Тонкий расчет

Автор:
Сидни Шелдон

Тонкий расчет

Сидни Шелдон

Шелдон-exclusive (АСТ)

Мужчина, предавший женщину, рано или поздно горько об этом пожалеет…

Мужчина, предавший сильную женщину ради власти, пожалеет об этом трижды!

Истина, которую забыл молодой политик, карьеры ради бросивший невесту накануне свадьбы и женившийся на дочери могущественного сенатора.

Прошли годы… Все давно забыто?

О нет!

Преданная им женщина всего лишь ждала удобного часа для мести.

И она дождалась…

Сидни Шелдон

Тонкий расчет

Роман

Эта книга посвящается вам

Sidney Sheldon

The Best Laid Plans

* * *

Печатается с разрешения Sidney Sheldon Family Limited Partnership и литературных агентств Morton L. Janklow Associates и Prava i Prevodi International Literary Agency.

Исключительные права на публикацию книги на русском языке принадлежат издательству AST Publishers. Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

© Sidney Sheldon Family Limited Partnership, 1997

© Перевод. Т.А. Перцева, 1998

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

Глава 1

Первая запись в дневнике Лесли Стюарт гласила:

«Дорогой дневник! Сегодня утром я встретила человека, за которого собираюсь выйти замуж».

Простое, оптимистичное, довольно безапелляционное утверждение. Даже самый проницательный человек не усмотрел бы в нем ни тени зловещего намека на ту цепь последующих трагических событий, которым еще только предстояло произойти.

Это был один из тех редкостных безмятежно-счастливых дней, когда дела просто не могут, не имеют права пойти наперекосяк. Лесли Стюарт никогда не интересовалась астрологией, но в то утро, просматривая «Лексингтон геральд лидер», наткнулась на страницу с гороскопами какого-то Золтера и лениво поинтересовалась, какая участь ее ожидает.

«Лев (23 июля – 22 августа). Новая луна восходит над новой любовью. Вы в самом зените лунного цикла и поэтому должны уделять самое пристальное внимание любому волнующему событию в вашей жизни. Благоприятен союз с Девой. Сегодняшний день отмечен в календаре красным числом. Никаких огорчений, никаких неприятностей. Желаем счастливых минут!»

«Счастливых минут? Хотелось бы, да вряд ли выйдет», – усмехнулась про себя Лесли. Интересно, чем один день отличается от другого? Астрология – вздор и бессмыслица, утешение для дураков, конфетка для неудачников.

Лесли Стюарт, уроженка и жительница Лексингтона, штат Кентукки, служила специалистом по рекламе и информации в рекламном агентстве «Бейли энд Томкинс», и на сегодня у нее было назначено три консультации: первая – с фирмой по производству удобрений, представители которой были в полном восторге от предложенной им кампании по презентации новой продукции. Особенно им нравилось начало куплета: «Над полями витает розы аромат…»

Далее в ее списке значились конный завод и лексингтонская горнорудная компания. Как поэтично! Словом, ничего не скажешь, красный день календаря!

Стройная точеная фигурка, огромные, серые, чуть раскосые глаза, высокие, чуть выдающиеся скулы, длинные медово-золотистые волосы, уложенные с

элегантной простотой… В свои двадцать шесть Лесли казалась редкостной экзотической пташкой, созданием, мгновенно и ярко выделявшимся на фоне обычных и прозаических женщин. Как-то раз одна из ее подруг сказала:

– Если ты красива и к тому же наделена мозгами и достаточно тесной вагиной, этого вполне достаточно, чтобы заполучить весь мир.

Кроме завидной внешности, природа наградила Лесли еще и коэффициентом умственного развития 170, что значительно превышало средний уровень. Но сама она считала свою внешность скорее недостатком, чем достоинством. Мужчины постоянно вертелись вокруг нее, делая самые различные предложения – от руки и сердца до игривых намеков на веселенькую ночку в постели, но лишь очень немногие действительно давали себе труд хотя бы попытаться понять, что она в действительности собой представляет, разглядеть за безупречной оболочкой человека – чувствительного и ранимого.

Если не считать двух секретарш, Лесли была единственной женщиной в «Бейли энд Томкинс». Остальные пятнадцать служащих принадлежали к противоположному полу, и уже через пять дней Лесли поняла, что гораздо умнее любого из них, но предпочла держать при себе это не столь уж неожиданное открытие.

В самом начале ее карьеры оба партнера, и Джим Бейли, грузный, оплывший толстяк лет сорока с вкрадчивыми манерами, и Эл Томкинс, костлявый и нервный сморчок лет на десять моложе, каждый втайне друг от друга попробовали уговорить Лесли переспать с ними. Она без всякого труда сумела отделаться от обоих, всего лишь пообещав уволиться, если такое повторится еще раз.

На этом все поползновения увяли. Такие работники, как Лесли, ценятся на вес золота.

В первую же неделю, во время короткого перерыва, когда все дружно пили кофе, девушка рассказала сослуживцам анекдот:

– Трое мужчин повстречали фею, пообещавшую исполнить любое их желание. Первый сказал: «Я хотел бы стать смекалистее на двадцать пять процентов». Фея мигнула, и мужчина воскликнул: «О, я уже чувствую, насколько прибавилось

мозгов!» Второй пожелал поумнеть на пятьдесят процентов. Фея моргнула, и счастливец охнул: «Это просто чудо! Теперь я знаю то, о чем раньше не имел ни малейшего понятия!» Третий захотел стать вдвое мудрее. Фея взмахнула рукой, и мужчина превратился в женщину.

Лесли выжидающе оглядела сидевших за столом. Те смотрели в недоумении на нее, не понимая, в чем соль анекдота.

Принято к сведению. Предельно ясно.

Предсказание астролога, как ни странно, начало сбываться в одиннадцать утра. В тесном захламленном кабинетике Лесли появился Джим Бейли.

– У нас новый клиент! – торжественно объявил он. – Я просил бы вас заняться им лично.

Лесли и без того выполняла больше заказов, чем любой из сослуживцев, но протестовать не имело ни малейшего смысла.

– Прекрасно, – вздохнула она. – И что это?

– Не «что», а «кто». Вы, разумеется, знаете Оливера Рассела?

Еще бы! Кто, спрашивается, не знает Оливера Рассела? Местная знаменитость – адвокат и кандидат в губернаторы. По всему Кентукки развешаны плакаты с его изображением – просто в глазах рябит! Всего тридцать пять, блестящий послужной список и самый завидный жених во всем штате! Он уже успел стать героем ток-шоу на всех крупных телестудиях Лексингтона – WDKI, WTVQ, WKYT – и самых популярных радиостанциях – WKQQ и WLRO. Неотразимо красивый брюнет с непокорными вьющимися волосами, темными глазами, атлетической фигурой и теплой искренней улыбкой, Оливер, по слухам, успел перебывать в постелях всех достойных внимания жительниц Лексингтона.

– Да, конечно. И что ему от нас нужно?

– Как что?! Мы, и только мы, обязаны помочь Расселу пересесть в губернаторское кресло. Он уже едет сюда.

Оливер Рассел появился через несколько минут и, нужно признаться, в жизни был еще привлекательнее, чем на снимках. Протянув руку, он наградил Лесли ослепительной улыбкой.

– Я много слышал о вас. И рад, что именно вы собираетесь взять на себя мою избирательную кампанию.

Лесли представляла его совершенно другим. Как ни странно, но в Оливере чувствовалась напрочь обезоруживающая искренность. Лесли от растерянности на мгновение лишилась дара речи.

– Я… спасибо. Садитесь, пожалуйста.

Оливер Рассел устроился поудобнее.

– Начнем сначала, – предложила Лесли. – Почему вы баллотируетесь в губернаторы?

– Все очень просто. Кентукки – чудесный штат, один из лучших в Америке. Нам это известно, поскольку мы, как здешние уроженцы, имеем счастье наслаждаться его чудесами, но в глазах большей части населения мы просто неотесанный сброд, стадо деревенских олухов. Я хочу изменить устоявшееся мнение. Кентукки может предложить людям больше, чем дюжина других, вместе взятых, штатов. История этой страны берет начало здесь! Именно у нас – одно из старейших зданий законодательного собрания во всей Америке! Кентукки дал Соединенным Штатам двух президентов. Это земля Дэниела Буна, Кита Карсона[1 - Легендарные охотники, пионеры Дикого Запада, национальные герои. Бун впоследствии был шерифом одного из округов штата Кентукки, а Карсон – агентом по делам индейцев и сам женился на индианке племени арапахо. – Здесь и далее примеч. пер.] и судьи Роя Бина. А какие изумительные пейзажи – неизведанные пещеры, прозрачные ручьи, реки, поля пырея[2 - Пырейный штат – шутливое название Кентукки.], и я хочу показать это всему миру!

Оливер говорил так страстно, с такой глубокой убежденностью, что Лесли невольно потянуло к нему. И тут же смутно вспомнился сегодняшний гороскоп:

«Новая луна восходит над новой любовью. Никаких огорчений, никаких неприятностей. Желаем счастливых минут».

– Но кампания провалится, если вы не поверите во все это так же горячо, как я, – продолжал между тем Оливер.

– Конечно, конечно, верю, – торопливо отозвалась Лесли. Не чересчур ли поспешно? – Клянусь, я сделаю все, что в моих силах. – И, поколебавшись немного, нерешительно добавила: – Могу я кое о чем спросить вас?

– Разумеется.

– Кто вы по гороскопу?

– Дева.

После ухода Рассела Лесли направилась в кабинет Джима Бейли, чтобы поделиться впечатлениями.

– Он мне понравился. Такой прямой и искренний. Ему действительно небезразличны наши нужды. По-моему, из него выйдет настоящий хозяин штата.

Джим покачал головой:

– Все не так-то просто.

– Неужели? Почему же? – удивленно подняла брови Лесли.

– Сам не понимаю. Тут творится что-то странное. Видели, как это начиналось – выступления на телевидении, портреты на каждом углу?

– Д-да.

– Ну так вот, все лопнуло в один миг.

– Как это «лопнуло»?

– Никому точно не известно, но поползли странные слухи. Вроде бы кто-то поддерживал Рассела, вкладывал кучу бабок в его раскрутку, а потом по неизвестной причине вышел из игры.

– В самый разгар уже почти выигранной кампании? Но это вздор, Джим! Не имеет смысла!

– Верно.

– В таком случае зачем он явился к нам?

– Хочет победить любой ценой. Думаю, он слишком честолюбив. И чувствует, что может многое изменить. Видимо, потребует от нас закончить кампанию малой кровью и с минимальными расходами. Самому ему не по карману лучшее эфирное время и роскошная реклама. Все, что мы можем для него сделать, – организовать интервью, помещать статьи в газетах, все в таком роде.

Джим вздохнул и пожал плечами:

– Губернатор Эддисон тратит на свою кампанию целое состояние. За последние две недели рейтинг Рассела полетел ко всем чертям. Просто позор! Он чертовски хороший адвокат и не раз брался за безнадежные дела. И если человек не может много заплатить, никогда не дерет с него семь шкур. Ты права, из него вышел бы неплохой губернатор.

Вечером Лесли сделала первую запись в новом дневнике:

«Дорогой дневник! Сегодня утром я встретила человека, за которого собираюсь выйти замуж».

Раннее детство Лесли Стюарт можно было с полным правом назвать настоящей идиллией. Она была необыкновенно умной для своего возраста малышкой. Отец преподавал английский в «Лексингтон коммьюнити колледж», мать не работала. Отец, красивый, представительный мужчина, мог по праву считаться истинным интеллектуалом. Кроме того, он был прекрасным семьянином – они всегда ездили отдыхать втроем и вместе путешествовали. Отец обожал Лесли, называл своей милой дочуркой, уверял, что прекраснее ее нет на свете, и не упускал случая похвалить. В его глазах дочь была самим совершенством. В тот день, когда девочке исполнилось девять, она получила в подарок от отца изумительное платье из коричневого бархата с кружевными манжетами. Он часто просил надеть его к ужину, когда в гости приходили его друзья.

– Ну разве она не красавица? – то и дело восклицал отец.

Лесли боготворила его. Но в одно страшное утро всего за какое-то мгновение волшебный теплый мир девочки был безжалостно уничтожен. Мать, заливаясь слезами, пробормотала:

– Дорогая… твой папа… ушел от нас.

– А когда вернется? – непонимающе приподняла брови девочка.

– Он больше не хочет жить с нами.

Каждое слово острым ножом вонзалось в сердце Лесли.

«Это мама довела его», – решила она. Лесли было жалко мать, которой придется вынести не только позорную процедуру развода, но и борьбу за опеку над ребенком. Отец никогда не отдаст Лесли. Никогда. Он обязательно придет за ней! Но шло время, а он даже не звонил. «Ему не позволяют видеться со мной. Мать старается таким образом наказать его», – твердила себе Лесли. Но как-то ее уже немолодая тетка объяснила девочке, что никто и не собирался оспаривать права на нее. Отец Лесли влюбился в овдовевшую преподавательницу того же колледжа и переехал к ней, в дом на Лаймстоун-стрит.

Однажды, когда они отправились за покупками, мать Лесли, горько улыбаясь, показала дочери это здание.

– Вот здесь они теперь живут.

Тогда Лесли решила сама навестить отца, в полной уверенности, что, едва он увидит дочь, немедленно все бросит и вернется. В пятницу, после уроков, она отыскала дом на Лаймстоун-стрит и позвонила. Дверь открыла незнакомая девочка, ее ровесница, в коричневом бархатном платье с кружевными манжетами. Лесли потрясенно уставилась на нее. Та, в свою очередь, с любопытством оглядела незваную гостью:

– Кто ты?

Лесли повернулась и бросилась бежать.

Весь следующий год она с ужасом наблюдала, как мать все больше уходит в себя, теряет всякое желание жить. Раньше девочка считала, что «смерть от разбитого сердца» – всего лишь красивая фраза, но теперь оставалось только беспомощно смотреть, как мать медленно тает и наконец уходит в небытие. Когда ее спрашивали, отчего она умерла, Лесли неизменно отвечала:

– Сердце ее было разбито.

Именно в тот момент девочка решила, что никогда не позволит ни одному мужчине сотворить с ней такое.

После кончины матери Лесли переехала к тетке. Девочка училась в высшей школе «Брайен стейшн» и с отличием окончила Университет штата Кентукки. На выпускном курсе ее выбрали королевой красоты, но девушка с неизменным упорством и удивительным отсутствием тщеславия отвергала бесчисленные приглашения модельных агентств.

За время учебы у Лесли было два коротких романа: с футбольной звездой колледжа и с профессором экономики. Но и тот, и другой быстро ей надоели. Истинная же причина заключалась в том, что Лесли была куда умнее обоих.

Перед самым выпуском умерла тетка. Лесли пришлось срочно искать работу. Так она появилась в рекламном агентстве «Бейли энд Томкинс», размещавшемся на Вайн-стрит в подковообразном кирпичном здании с медной крышей и фонтаном во дворе.

Джим Бейли, старший партнер, придирчиво изучив резюме Лесли, кивнул:

– Весьма впечатляюще. Вам повезло. У нас только что уволилась секретарь.

– Секретарь? Я надеялась…

– Что, простите?

– Ничего.

Она действительно некоторое время проработала секретарем и, стенографируя на совещаниях, постоянно боролась с желанием предложить что-то свое, новое и остроумное, чтобы заказчики действительно сумели выжать все из заказанной рекламы. Как-то один из служащих объявил, что придумал превосходный рисунок для этикетки продукции мясоперерабатывающей компании «Ранчо Биф Чили»:

– Изобразим на банках ковбоя, набросившего лассо на корову. Сразу станет ясно, что говядина свежая, и…

«Какой кошмар!» – подумала Лесли. Присутствующие недоуменно уставились на девушку, и та, к собственному ужасу, сообразила, что высказалась вслух.

– Не будете ли так добры объясниться понятнее, юная леди?

– Я…

Господи, провалиться бы куда-нибудь! Хоть в ад!

Но все терпеливо выжидали. Лесли глубоко вздохнула:

– Многие люди едят мясо, но при этом не любят, когда им напоминают, что они питаются трупами животных.

Последовало гробовое молчание. Наконец Джим Бейли неловко откашлялся.

– Возможно, стоит еще немного поразмыслить над рисунком.

На следующей неделе, пытаясь решить, как лучше рекламировать новое туалетное мыло, другой сотрудник предложил пригласить победительниц конкурса красоты.

– Прошу извинить, – робко вмешалась Лесли, – но все это уже было, и не раз. Почему бы нам не задействовать симпатичных стюардесс из разных стран и не показать этим, что наше мыло покупают во всем мире?

После этого у мужчин вошло в привычку на каждом совещании справляться о мнении Лесли.

Уже через год ей начали доверять составление рекламных проспектов, а спустя еще два Лесли стала самостоятельно выполнять заказы. Однако до сих пор девушке не поручали таких сложных дел, как работа с кандидатом в губернаторы. Прошло две недели, прежде чем Оливер Рассел снова появился в офисе. За это время Джим Бейли успел посоветоваться с Лесли, не лучше ли отказаться от невыгодного клиента, поскольку тот не в состоянии оплатить услуги агентства, но девушка убедила босса не делать этого.

– Считайте это нашим благотворительным взносом, – посоветовала она.

– Ладно, – немного подумав, кивнул Джим.

Прохладным осенним днем Лесли и Оливер Рассел сидели на скамейке в Трайенгл-парке. С озера дул легкий ветерок, неяркое солнце играло на желто-багряных листьях.

– Ненавижу политику, – признался Оливер Рассел.

Лесли удивленно подняла брови:

– Но зачем же тогда вы…

– Потому что хочу изменить насквозь прогнившую систему, в которой главная роль отведена крупным корпорациям и подкупленным ими лоббистам, помогающим привести к власти угодных им людей, ничтожных марионеток, чтобы легче было дергать за нужные ниточки. А я так много хочу сделать! – страстно убеждал он. – Люди, правящие этой страной, превратили ее в собственную вотчину, преследуют свои личные интересы, а на народ им наплевать. Поэтому я и хотел бы сломать и переделать все это.

Слушая Оливера, Лесли почему-то все больше убеждалась, что именно он способен выполнить все предвыборные обещания. В нем чувствовалась некая скрытая сила, готовая ежеминутно вырваться на волю, неотразимо покорявшая окружающих. Наверное, он обладал тем, что принято называть харизмой. И если уж быть честной, Лесли боялась признаться даже себе в том, насколько волнует ее этот человек. Она никогда не испытывала ничего подобного ни к одному мужчине и теперь, кажется, была готова потерять голову. Но как он относится к ней? По крайней мере до сих пор Оливер вел себя как истинный джентльмен и ни разу ничего себе не позволил, черт бы его побрал! Кроме того, каждую минуту кто-нибудь подходил к скамейке, чтобы пожать Оливеру руку и пожелать удачи. Женщины пронзали Лесли откровенно злобными взглядами.

«Вполне возможно, все они бегали на свидания с ним. И успели побывать в его постели, – думала Лесли. – Ну что ж, в конце концов, это не мое дело».

Она слышала, что в последнее время Оливер встречался с дочерью сенатора. Интересно, почему они разошлись?

«И это тебя не касается, дура несчастная!»

Не было смысла отрицать, что кампания Оливера терпит оглушительный провал. Денег не было даже на жалованье персоналу штаба, не говоря уже о телевидении, радио и прессе. Где уж тут состязаться с нынешним губернатором Кэри Эддисоном, плакатами которого был оклеен весь Кентукки! Лесли

договорилась о выступлениях Оливера на пикниках компаний, заводах, благотворительных вечерах и концертах, прекрасно понимая при этом, насколько ничтожны результаты ее усилий, и это угнетало девушку.

– Видели последние результаты общественного опроса? – спросил Лесли Джим Бейли. – Ваш малыш уже на помойке. Финиш! С ним все кончено.

Ну уж нет! Она из кожи вон вылезет, но добьется своего!

Лесли и Оливер ужинали в «Чену».

– Ничего не выходит, верно? – тихо спросил Оливер.

– У нас еще полко времени, – успокоила Лесли. – Как только избиратели узнают вас получше…

Оливер покачал головой:

– Я тоже видел результаты опроса. Поверьте, Лесли, я знаю, что вы пытались свернуть для меня горы, но что тут попишешь? Вы и так делали все, что могли, и даже больше.

Лесли не могла оторвать от него взгляда.

«Он самый лучший человек на свете, а я даже не в силах ничем ему помочь…»

Ей хотелось обнять его, прижать к себе, утешить.

«Утешить? Кому ты паришь мозги?»

Они уже собрались уходить, когда у стола появились мужчина, женщина и две маленькие девочки.

– Оливер! Как дела? – спросил привлекательный незнакомец лет сорока с черной повязкой на глазу, придававшей ему залихватский вид киношного пирата.

Оливер поднялся и протянул руку:

– Привет, Питер. Знакомьтесь. Лесли Стюарт. Лесли, это Питер Тейгер.

– Рад встрече, Лесли. Это моя жена Бетси и дочери Элизабет и Ребекка, – с невероятной до смешного гордостью объяснил Питер и, сочувственно хлопнув Оливера по плечу, добавил: – Мне ужасно жаль, дружище. Просто позор, как с тобой обошлись. Мне чертовски не хотелось делать этого, но выхода не было.

– Понимаю, Питер, и не обижаюсь.

– Если потребуется моя помощь…

– Уже не имеет значения. Я в полном порядке.

– Клянусь, я от всей души желаю тебе удачи.

По пути домой Лесли, не удержавшись, спросила:

– О чем это он?

Оливер начал было говорить, но тут же осекся:

– Не важно. Проехали.

Лесли жила в чистенькой однокомнатной квартирке в Брендиуайне – одном из районов Лексингтона. Проводив ее до подъезда, Оливер нерешительно пробормотал:

– Лесли, я понимаю, что ваше агентство почти ничего с меня не имеет, но, откровенно говоря, вы зря тратите время. Лучше, пожалуй, нам сразу же распрощаться и забыть обо всем.

– Нет! – воскликнула девушка с неожиданной для себя горячностью. – Вы не имеете права останавливаться на полпути. Мы найдем какой-нибудь выход. Все получится, вот увидите!

Оливер пристально посмотрел на нее:

– Вам и вправду не все равно?!

«Кажется, я придаю слишком большое значение этому вопросу. Осторожнее, Лесли, так недолго и выдать себя».

– Верно, – спокойно согласилась она, – но так уж вышло.

Они поднялись наверх. У самой двери Лесли глубоко вздохнула, словно набираясь смелости перед прыжком в воду:

– Не хотите зайти?

Оливер долго молчал, прежде чем кивнуть.

…После она так и не смогла понять, кто сделал первый шаг. Помнила только, как они с лихорадочной поспешностью срывали друг с друга одежду и она оказалась в его объятиях. В их слиянии было нечто первобытно-дикое, но нетерпеливо-исступленные ласки вскоре перетекли в медленные, томительные, сводящие с ума. Древний, как сама вселенная, экстатический ритм изматывающего наслаждения… Такого Лесли еще не доводилось испытывать.

Они провели вместе всю ночь. Волшебную. Магическую. Колдовскую. Оливер был ненасытен, требуя и отдавая полной мерой, брал ее снова и снова. Зверь. Хищный неумолимый зверь, наконец-то закогтивший жертву.

«О боже, я тоже стала животным!» – почти бессознательно твердила себе Лесли всю эту долгую, нескончаемую, безумную ночь.

Утром, за завтраком, состоявшим из апельсинового сока, омлета, тостов и бекона, Лесли сообщила:

– В пятницу на Грин-Ривер-Лейк должен быть пикник. Там соберется куча народу, и я постараюсь договориться о твоем выступлении, Оливер. Мы купим время на радио и дадим объявление, чтобы как можно больше людей узнали об этом. Тогда можно будет…

– Лесли, – запротестовал Оливер, – у меня просто нет денег.

– Об этом не волнуйся! – жизнерадостно соврала она. – Агентство заплатит.

Девушка прекрасно понимала, что Джим скорее удавится, чем отдаст хоть цент на явно безнадежное предприятие. Ничего, она обойдется своими. А Бейли скажет, что деньги пожертвовал один из сторонников Рассела. А вот это чистая правда. Она пойдет на все, чтобы помочь ему.

На пикник приехало человек двести, и Оливер произнес поистине блестящую речь:

– Половина людей в этой стране не приходят на избирательные участки. У нас самый низкий процент голосующих в мире – меньше пятидесяти. И если хотите изменить сложившееся положение – знайте, все зависит от вас. Поверьте, это не столько долг, сколько большая честь. Привилегия, доступная лишь настоящим патриотам. Уже недалек день выборов. И не важно, проголосуете вы за меня или за моего соперника. Самое главное – ваше участие в выборах.

Ему устроили овацию.

Лесли делала все возможное, чтобы Оливер как можно чаще появлялся на публике. Он перерезал красные ленточки на открытии детской клиники и нового моста, посещал собрания женских клубов и профсоюзных организаций, благотворительные вечера и дома для престарелых. Однако его рейтинг продолжал падать. Но Оливер держался мужественно и еще ухитрялся выкраивать время для встреч с Лесли. Они катались в старомодной коляске по Трайенгл-парку, бродили по блошиному рынку, ужинали в ресторанчике «А-ля Люси». Он дарил ей цветы на День сурка [3 - 2 февраля считается праздником начала весны.] и другие праздники и оставлял страстные послания на ее автоответчике:

«Дорогая, где ты? Я тоскую, тоскую, тоскую по тебе».

«Я безумно влюблен в твой автоответчик. Не представляешь, как сексуально он звучит!»

«По-моему, быть таким счастливым просто неприлично. Но я люблю тебя. Люблю».

Лесли было все равно, куда ее ведет Оливер. Лишь бы быть вместе. Одним из самых волнующих приключений стал спуск на плоту по реке Рассел-Фок. Плавание началось вполне благопристойно, и все было хорошо, пока они не добрались до того места, где река делала огромную петлю, огибая подножие гор. Громадные валуны образовали десятки водопадов, многие из которых оказались головокружительно опасными. Расстояние между ними не превышало длины плота, и каждое падение происходило все с большей высоты. Пять футов… восемь… девять…

Путешествие продолжалось три с половиной часа. Лесли и Оливер сошли на землю насквозь промокшие, радуясь уже тому, что остались в живых.

Оба не могли оторваться друг от друга. Страсть разгоралась все сильнее. Они занимались любовью везде, где можно было остаться наедине, – в заброшенной хижине, в лесу, на заднем сиденье его автомобиля.

* * *

Как-то ранним осенним вечером Оливер готовил ужин в своем очаровательном домике в Версале, небольшом городке неподалеку от Лексингтона. Сегодня он намеревался подать на стол жаренные на гриле бифштексы под соевым соусом, печеный картофель, салат и чудесное красное вино.

– Ты изумительный повар, – удивлялась позже Лесли, нежно прильнув к нему. – Правда, ты великолепен во всем, за что ни возьмешься.

– Спасибо, любимая, – рассеянно пробормотал Оливер. – Кстати, у меня для тебя небольшой сюрприз. Хочу, чтобы ты попробовала это.

Он исчез в спальне и через минуту появился с маленьким флаконом, в котором плескалась прозрачная жидкость.

– Вот, выпей.

– Что это?

– Слышала когда-нибудь об «экстази»?

– То есть как это – «слышала»? Мне просто стыдно признаться, что последнее время я не выхожу из этого состояния.

– Нет, я имею в виду новый наркотик. Это жидкий «экстази». Говорят, потрясный афродизиак.

Лесли нахмурилась:

– Дорогой, зачем тебе какой-то афродизиак? Нам он ни к чему! Кто знает, что это за гадость и как он действует? А вдруг это опасно? – И, помявшись, все-таки спросила: – Ты часто его употребляешь?

– Собственно говоря, впервые, – рассмеялся Оливер. – Успокойся, любимая. Улыбнись. Просто один из приятелей дал его мне и посоветовал попробовать.

– Пожалуй, не стоит. Лучше выброси его. Хорошо?

– Конечно, раз ты просишь.

Он вышел в ванную, и Лесли услышала шум воды в унитазе.

– Вот и все! – объявил Оливер с широкой улыбкой. – Кому нужен экстаз в пузырьке, когда у меня есть все, что надо, да еще в такой шикарной упаковке?

И он подхватил ее на руки.

Лесли прочла немало любовных романов, слышала сотни песен, но ничто не могло сравниться с невероятной, неправдоподобной, ошеломляющей реальностью. Она всегда считала лирику сентиментальной чепухой, несбыточными грезами восторженных глупышек. Но лишь теперь поняла, как жестоко ошибалась. Мир заиграл радужными красками, будто вдруг настал вечный праздник. Магическая палочка доброго волшебника коснулась унылого серого кокона, в который до сих пор сознательно заключала себя Лесли, и имя этого волшебника было Оливер Рассел.

Субботним утром Оливер и Лесли гуляли в Брейкс-Интерстейт-парке, наслаждаясь покоем и чудесными пейзажами. Доцветали последние цветы, с деревьев бесшумно планировали осенние листья.

– Я никогда раньше не ходила по этой тропе, – призналась Лесли.

– Думаю, тебе понравится.

Впереди виднелся крутой поворот. Обогнув холмик, Лесли потрясенно замерла. Посреди дорожки на вбитом в землю колышке красовалась деревянная табличка с чуть кривоватой надписью:

«Лесли, ты выйдешь за меня?»

Сердце девушки бешено заколотилось. Окончательно потеряв дар речи, она обернулась к Оливеру. Он крепко обнял ее.

– Ну так как же?

Неужели на свете бывает подобное счастье?

Лесли сцепила руки за спиной Оливера и что было сил стиснула его.

– Да, милый. Ну конечно, да!

– Боюсь, не могу пообещать, что станешь женой губернатора, зато я чертовски хороший адвокат!

– С меня и этого довольно, – шепнула Лесли, прильнув к нему.

Несколько дней спустя, когда Лесли уже переодевалась, чтобы ехать ужинать с Оливером, зазвонил телефон.

– Дорогая, ужасно жаль, но у меня плохие новости. Срочная деловая встреча. Придется отменить ужин. Простишь меня?

– Что же мне еще остается? – притворно вздохнула Лесли.

Назавтра, пробегая глазами «Стейт джорнэл», Лесли наткнулась на зловещий заголовок:

В РЕКЕ КЕНТУККИ НАЙДЕНО

ТЕЛО ЖЕНЩИНЫ

Как ни странно, она не смогла оторваться, пока не дочитала до конца.

«Сегодня рано утром полицейские вытащили из реки, в десяти милях к востоку от Лексингтона, обнаженный труп молодой женщины. На вид несчастной около двадцати лет. Следователь назначил вскрытие для установления причин гибели…»

Лесли передернуло. Умереть такой юной! Был ли у нее любовник? Муж? Какое счастье сознавать, что ты жива, счастлива и любима!

…Казалось, весь Лексингтон только и судачил о предстоящей свадьбе. Как во всех небольших городках, здесь мгновенно становилось известно все и всем, а кроме того, Оливер Рассел считался местной знаменитостью. От этой пары было невозможно отвести взгляд – темноволосый красавец Оливер, а рядом золотоволосая Лесли с изумительной фигурой и личиком сказочной принцессы. Новость распространилась, как лесной пожар.

– Надеюсь, он понимает, как ему повезло, – буркнул Джим Бейли.

– Нам обоим повезло, – улыбнулась Лесли.

– Собираетесь сбежать и тайком обвенчаться?

– Нет, Оливер хочет, чтобы все было как полагается. Торжественная церемония в церкви Калвери-Чейпл.

– И когда произойдет это счастливое событие?

– Через полтора месяца.

В очередной заметке репортер «Стейт джорнэл» сообщал: «В утонувшей женщине опознана Лайза Бернетт, секретарь суда. При вскрытии выяснилось, что она погибла от чрезмерной дозы опасного запрещенного наркотика, известного под названием жидкий „экстази“».

Жидкий «экстази». Лесли вспомнила тот вечер с Оливером. Господи, как хорошо, что она уговорила его выбросить эту гадость!

…Следующий месяц прошел в последних лихорадочных приготовлениях к свадьбе. Сколько же всего нужно было успеть! Разослать две сотни приглашений. Выбрать одежду для подружек на свадьбе. Составить меню обеда. Позаботиться о приданом. Свой подвенечный наряд Лесли купила в «Фейетт-Молл» на Николасвилль-роуд: длинное, до пола, платье с широкой юбкой и длинным шлейфом, туфли в тон на высоких каблуках и длинные перчатки.

Оливер заказал черную визитку с брюками в полоску, серый жилет, белоснежную сорочку и аскотский галстук[4 - Полосатый галстук с широкими, как у шарфа, концами.] и попросил сослуживца-адвоката быть его шафером.

– Наконец-то все готово, – облегченно вздохнул Оливер в один прекрасный день. – Я договорился о свадебном приеме. Кстати, почти все приняли приглашение.

Лесли вздрогнула, как от озноба.

– Не знаю, дорогой, как вытерплю последние несколько дней!

В четверг, за неделю до свадьбы, Оливер ворвался в квартиру Лесли:

– Черт подери, милая, понимаю, все это крайне некстати, но у моего клиента огромные неприятности. Придется лететь в Париж и все улаживать.

– Париж? Но как долго тебе придется там пробыть?

– Не больше двух-трех дней, в крайнем случае четыре. У нас еще куча времени.

– Попроси пилота не лихачить.

– Обещаю.

После ухода Оливера Лесли взяла газету и лениво отыскала глазами гороскоп Золтера.

«Лев (23 июля – 22 августа). Сегодня не рекомендуются никакие изменения в планах. Рисковать – означает обречь себя на серьезные проблемы».

Лесли со сжавшимся сердцем перечитала жирные строчки. Ей смертельно хотелось позвонить Оливеру и попросить его остаться – пусть даже на день. Нет,

это чистый вздор. Сходить с ума из-за дурацкого гороскопа? Какая чушь!

К понедельнику Лесли вся извелась – от Оливера не было ни слуху ни духу. Она звонила в его контору, но никто ничего не знал. Во вторник Лесли, вне себя от беспокойства, в панике металась по комнате. Проведя без сна почти всю ночь, девушка наконец забылась, но почти немедленно раздался пронзительный телефонный звонок. Лесли вскинулась и слепо зашарила по ночному столику в поисках аппарата. Слава богу, это Оливер! Спохватился все-таки! Конечно, стоило бы хорошенько отругать его за то, что едва не уморил ее, но сейчас это уже не важно. Лесли судорожно стиснула трубку.

– Оливер…

И услышала незнакомый мужской голос:

– Это Лесли Стюарт?

Девушку обдало ледяным холодом.

– Кто… кто это?

– Эл Тауэрс, Ассошиэйтед Пресс. Телетайп только что передал интересное сообщение, мисс Стюарт, и мы хотели бы узнать ваше отношение к тому, что произошло.

Случилось что-то ужасное. Оливер погиб.

– Мисс Стюарт, вы меня слышите?

– Да, – выдавила девушка.

– Не могли бы мы получить ваше заявление?

– Заявление?

– По поводу женитьбы Оливера Рассела на дочери сенатора Тодда Дэвиса.

Комната бешено завертелась перед глазами, и девушка зажмурилась, чтобы не упасть в обморок.

– Вы и мистер Рассел, кажется, были помолвлены, не так ли? Мы хотели бы напечатать ваше мнение по поводу…

Лесли словно окаменела.

– Мисс Стюарт!

Непослушный язык тяжело ворочался во рту.

– Да. Я… я желаю им счастья.

Она осторожно положила трубку. Это кошмар. Дурной сон. Вот сейчас она проснется и поймет, что все осталось по-прежнему.

Только она не спит. Ее снова бросили. Второй раз в жизни.

«Отец не вернется».

Лесли механически, словно лунатик, прошагала в ванную и уставилась на свое мертвенно-бледное отражение в зеркале.

«Телетайп только что принес интересное сообщение». Оливер женился на другой. Почему? Что Лесли ему сделала? В чем изменила?

Но где-то в самом дальнем уголке души она понимала: настоящий предатель – Оливер. Он ушел навсегда. И как теперь жить с этим?

В агентстве при виде Лесли сослуживцы смущенно отводили глаза. Девушка направилась прямо к Джиму Бейли. Тот, неловко поежившись, пробормотал:

– Вам не стоило приходить сегодня, Лесли. Почему бы не поехать домой, немного отдохнуть…

Лесли набрала в грудь побольше воздуха.

– Нет, благодарю вас. Со мной все в порядке.

Газеты и выпуски теле- и радионовостей в мельчайших подробностях расписывали свадьбу в Париже. Сенатор Тодд Дэвис, вне всякого сомнения, был самым влиятельным лицом штата, и история о романе его дочери с Оливером Расселом, бросившим ради нее красавицу Лесли Стюарт, стала сенсацией недели. Телефоны в кабинете Лесли разрывались от звонков.

– Это «Курьер джорнэл», мисс Стюарт. Не могли бы вы сделать заявление по поводу…

– Да, конечно. Единственное, что меня волнует больше всего, – счастье Оливера Рассела.

– Но вы и он собирались…

– Наш брак был бы ошибкой. Дочь сенатора Дэвиса вошла в его жизнь задолго до моего появления. Я не питаю никакой обиды и хочу, чтобы они жили дружно и счастливо.

– Это «Стейт джорнэл», из Франкфорта…

И так далее и тому подобное.

Лесли казалось, что одна половина Лексингтона жалеет ее, а вторая злорадствует. Где бы она ни появлялась, люди поспешно обрывали разговор, а потом долго перешептывались за ее спиной. Но она была полна свирепой решимости не выказывать своих чувств.

– Как вы могли позволить ему поступить так…

– Если вы любите кого-то по-настоящему, – твердо отвечала Лесли, – значит, хотите ему добра. Оливер Рассел – самый лучший человек на свете. Он заслужил право на счастье.

Она послала открытки с извинениями всем приглашенным на свадьбу и вернула подарки.

Лесли и ждала, и боялась звонка Оливера, и все же, когда это произошло, позорно растерялась. Звуки знакомого, родного голоса оказались таким ужасным потрясением, что у девушки перехватило горло.

– Лесли… Не знаю, что сказать.

– Это правда?

– Да.

– Тогда что тут можно сказать?

– Я просто хотел объяснить, как все произошло. Еще до того, как мы с тобой встретились, Джан и я были почти помолвлены. И, увидев ее снова, я понял… понял, что все еще люблю.

– Понимаю, Оливер. Прощай.

Еще через пять минут позвонила секретарь.

– С вами хотят поговорить, мисс Стюарт. Первая линия.

– Я не желаю ни с кем…

– Это сенатор Дэвис.

Отец новобрачной. Что ему от нее нужно?

Лесли раздраженно схватила трубку.

– Мисс Стюарт? – осведомился с сильным южным акцентом невидимый собеседник.

– Слушаю.

– Я сенатор Дэвис. Думаю, нам не мешает потолковать с глазу на глаз.

– Сенатор, – нерешительно начала Лесли, – вряд ли…

– Я заеду за вами через час.

Послышались короткие гудки.

Ровно через час к зданию подкатил лимузин. Водитель вышел и почтительно открыл дверцу для Лесли. Сенатор Дэвис расположился на заднем сиденье. Ничего не скажешь, представительный мужчина, с копной серебряных волос и маленькими аккуратными усиками. Настоящий патриарх, отец семейства, типичный государственный деятель. Даже сейчас, осенью, он, как всегда, был одет в белоснежный костюм, служивший ему отличительным знаком и визитной карточкой, и белую широкополую шляпу из итальянской соломки. Классический образец джентльмена-южанина, словно каким-то образом сумевшего перенестись из прошлого века в наши дни.

– Вы очень красивы, – заметил он, подождав, пока Лесли устроится рядом.

– Благодарю вас, – сухо бросила она.

Лимузин тронулся.

– Я имел в виду не только внешность, мисс Стюарт. За последние дни мне не раз приходилось слышать, как достойно вы повели себя в этой крайне неприятной ситуации. Должно быть, вы очень страдаете. Я сам долго не мог поверить, что это правда.

Сенатор, по-видимому, был вне себя от гнева.

– Господи, да неужели в наше время не осталось порядочных людей? Что случилось с таким понятием, как моральные принципы?! По правде говоря, мне омерзителен человек, посмевший сотворить с вами подобное. И я готов убить Джан за то, что она выбрала в мужья подобного типа. Я каким-то образом чувствую себя виноватым лишь потому, что она моя дочь. Думаю, они друг друга стоят!

Он сжал кулаки, задыхаясь от возмущения. Некоторое время оба молчали. Наконец Лесли осмелилась заговорить:

– Я знаю Оливера. И уверена, он не хотел меня так больно ранить. Теперь уже поздно сожалеть. Значит, этому суждено было случиться. Мне ничего от него не нужно. Он заслуживает всего самого лучшего, и я не собираюсь становиться у него на дороге.

Сенатор пристально посмотрел на Лесли и в недоумении покачал головой:

– Такого благородства я не ожидал. Вы поистине необыкновенная женщина.

Машина остановилась. Лесли выглянула из окна. Они успели добраться до Париж-Пайк, местечка в Кентукки-Хорс-Сентр, пригорода Лексингтона, где находилось больше сотни конезаводов. Самые крупные принадлежали сенатору Дэвису. Насколько хватало глаз, до самого горизонта тянулись бесконечные дощатые изгороди, белые паддоки, обведенные красными полосами, загоны и волнующиеся под ветром пырейные луга.

Лесли и сенатор вышли из машины, направились к скаковому кругу и несколько минут постояли, любуясь великолепными животными.

– Я простой человек, – тихо сказал наконец Дэвис. – Знаю, это, должно быть, странно звучит, но, поверьте, так и есть. Я родился здесь и мечтал провести в этих местах всю жизнь. В мире ничего лучше нет. Оглянитесь, мисс Стюарт. Можно ли осуждать меня за нежелание расставаться с родиной? Недаром Марк Твен говаривал, что в тот момент, когда настанет конец света, он хотел бы оказаться в Кентукки, потому что здешние жители отстали от остальной цивилизации на двадцать лет. Мне пришлось полжизни проторчать в

Вашингтоне, и я ненавижу этот город.

– В таком случае зачем вам все это?

– Существуют такие понятия, как долг и взятые на себя обязательства. Наш народ послал меня в сенат, и пока я не потерял доверия избирателей, приходится стараться и делать все, что в моих силах. – И, резко сменив тему разговора, он пояснил: – Не могу выразить, как восхищаюсь вашей порядочностью. Вы вели себя безупречно. И даже не представляете, какой гнусный скандал разразился бы, брось вы кость оголтелой своре репортеров. Ваше великодушие безгранично. И я… словом, мне бы хотелось как-то выразить свою благодарность.

Лесли насторожилась.

– Возможно, вы решите ненадолго уехать, отдохнуть, побывать в других странах, повидать мир. Я, естественно, возьму на себя все…

– Пожалуйста, не стоит.

– Я только…

– Знаю. Я не знакома с вашей дочерью, сенатор Дэвис, но если Оливер любит ее, должно быть, она действительно прекрасный человек. Надеюсь, они будут счастливы.

– Вероятно, вам не сказали, что они возвращаются сюда, – неловко пробормотал сенатор. – Гражданская церемония прошла в Париже, но Джан хочет венчаться в Лексингтоне.

Еще один удар в сердце.

– Понимаю. Что же, это ее право. Но им не о чем беспокоиться.

– Спасибо.

Венчание состоялось две недели спустя, в церкви Калвери-Чейпл, той самой, где должны были произнести брачные обеты Лесли и Оливер. В церкви яблоку негде было упасть. Оливер, Джан и сенатор Дэвис стояли у алтаря перед священником. Джан Дэвис, привлекательная статная брюнетка с пышными формами и безупречными манерами, так и лучилась счастьем.

Священник торжественно произносил слова венчального обряда:

– Господь повелел мужчине и женщине сочетаться священными узами брака и идти по жизни рядом…

Церковная дверь распахнулась, и на пороге появилась Лесли Стюарт. Немного послушав, она направилась к последнему ряду скамей, но осталась стоять.

– И если кому-то из присутствующих известна причина, по которой эта пара не может быть соединена священными узами брака, пусть произнесет это сейчас или да хранят его уста… – подняв голову, он увидел Лесли и запнулся, – вечное молчание…

Головы присутствующих стали одна за другой поворачиваться к ней. Гости начали перешептываться, по-видимому, ожидая душераздирающей сцены. В воздухе повисло почти ощутимое напряжение.

Священник выждал положенные несколько минут и нервно откашлялся.

– В таком случае властью, данной мне Господом, объявляю вас мужем и женой.

В голосе бедняги слышалось нескрываемое облегчение.

– Можете поцеловать новобрачную.

Когда святой отец снова поднял глаза, Лесли уже исчезла.

Последняя запись в дневнике Лесли Стюарт:

«Дорогой дневник! Свадьба была просто чудесной. Невеста Оливера такая хорошенькая! И на ней было прелестное платье из белого кружева и атласа, с лифом и жакетом болеро. Оливер выглядел еще красивее, чем всегда, и, кажется, очень счастлив. Я довольна. Пусть радуется, пока может.

Потому что, прежде чем я разделаюсь с ним, он горько пожалеет о том, что вообще появился на свет».

Глава 2

Именно сенатор Тодд Дэвис постарался устранить все препятствия к браку дочери с Оливером Расселом.

Тодд Дэвис – вдовец, мультимиллиардер, владелец табачных плантаций, угольных шахт, нефтяных месторождений в Оклахоме и на Аляске, конезаводов, где выращивались лучшие скаковые лошади во всей Америке, руководитель группы большинства в сенате – был к тому же одним из самых влиятельных людей в Вашингтоне и переизбирался вот уже на пятый срок.

Главный жизненный принцип Дэвиса был крайне прост: никогда не забывай добра, никогда не прощай зла. Он гордился своим чутьем и способностями безошибочно выбирать победителей, как на скаковом кругу, так и в политике, и поэтому решился поставить на Оливера Рассела, считая его восходящей звездой. Возможная женитьба Оливера на его дочери была в глазах Тодда всего лишь неожиданным, хотя и дополнительным преимуществом, и все шло прекрасно, пока Джан, в припадке оскорбленной гордости, не повела себя как набитая дура, сразу и бесповоротно порвав с женихом.

Слухи о скорой свадьбе Оливера Рассела и Лесли Стюарт сенатор посчитал огорчительными. Весьма огорчительными, чтобы не сказать больше…

Впервые сенатор познакомился с Расселом, когда тому довелось улаживать для него какие-то незначительные деловые затруднения. Уже тогда он сумел произвести на Дэвиса огромное впечатление. Умен, образован, красив, плюс к

тому прекрасно подвешенный язык и мальчишеское обаяние, как магнитом притягивавшее людей. Сенатор пригласил Оливера на обед. За столом велась самая обычная, ни к чему не обязывающая беседа, и молодой адвокат даже не подозревал, как скрупулезно оценивалось каждое его слово и жест.

Месяц спустя Тодд послал за Питером Тейгером.

– Думаю, мы нашли будущего губернатора, – сообщил он.

Питер был по натуре серьезным, надежным и богобоязненным человеком, выросшим в глубоко религиозной семье. Отец преподавал историю, мать вела хозяйство, и оба были ревностными прихожанами. Когда Питеру было одиннадцать, в машине, где ехал он с родителями и младшим братом, отказали тормоза. Погибли все, кроме него, но мальчик лишился глаза.

С того дня Питер непоколебимо уверовал: Всевышний пощадил его, чтобы он нес людям слово Божье. Но мечте подростка не суждено было сбыться. Природа наградила его совершенно необычным талантом – Питер разбирался в тонких механизмах сложной машины, называемой политикой, лучше любого самого прожженного политикана. Он нюхом чуял, где именно и каким образом можно раздобыть недостающие голоса, интуитивно понимая, что именно хотят услышать и от чего шарахаются избиратели. Но еще важнее для сенатора было то обстоятельство, что этому человеку он мог довериться безоговорочно и полностью, не боясь удара в спину. Питер был, что называется, цельной натурой и умел расположить к себе людей. Черная повязка, которую он никогда не снимал, как ни странно, делала его совершенно неотразимым. Но он не обращал внимания на женщин. Для Тейгера на всем белом свете существовали только жена и дочери. Сенатор еще не встречал человека, который так гордился бы своей семьей.

Когда-то, давным-давно, Питер готовился стать священником.

– Столько людей нуждаются в помощи, сенатор, – твердил он Дэвису. – Я хочу сделать для них все, что в моих силах.

Но Тодду все-таки удалось отговорить Питера.

– Поймите же, работая со мной в сенате, вы сумеете добиться куда большего для всей страны, – втолковывал он, и в конце концов тот согласился. Как показало дальнейшее, лучшего выбора Дэвис не мог сделать. Тейгер безошибочно знал, на какую кнопку нажать, чтобы колеса завертелись в нужную сторону.

– Кандидат, которого я намереваюсь поддержать, – Оливер Рассел.

– Адвокат?

– Да. Он прирожденный лидер. Готов побиться об заклад, что с нашей поддержкой он обойдет нынешнего губернатора на целый корпус.

– Звучит интересно, сенатор.

И мужчины принялись увлеченно обсуждать детали.

Вечером, за ужином, сенатор как бы невзначай заметил дочери:

– У этого парня блестящее будущее, солнышко.

– И бурное прошлое, папа. Первый донжуан во всем городе. Не пропускает ни одной юбки.

– Ну же, дорогая, не стоит верить сплетням. Я пригласил Оливера к нам на ужин в пятницу.

Пятничный вечер прошел блестяще. Оливер был неотразим, и Джан, сама того не желая, почувствовала, как ее тянет к нему. Сенатор ни на минуту не оставлял их одних и незаметно направлял беседу, задавая вопросы, которые помогли бы выставить Оливера в лучшем свете. На прощание Джан пригласила Рассела на вечеринку в следующую субботу, и тот с радостью согласился.

С того вечера молодые люди начали встречаться.

…– Они скоро поженятся, – предсказал Тодд Питеру. – Пора запускать в ход избирательную кампанию Оливера.

Рассела срочно пригласили в офис сенатора.

– Я хочу кое-что узнать, – начал Дэвис. – Как вы смотрите на то, чтобы стать губернатором Кентукки?

Оливер от неожиданности потерял дар речи.

– Я… я об этом не думал, – пролепетал он наконец.

– Зато мы с Питером все обдумали. Выборы назначены на следующий год. Времени вполне достаточно, чтобы все организовать и дать людям получше вас узнать. С такой поддержкой, как наша, вы просто не имеете права проиграть.

Оливер прекрасно понимал, какая удача выпала на его долю. Именно такие люди, как сенатор, правят бал и делают политику в этой стране и обладают достаточной властью, чтобы создать миф, идеальный имидж идеального патриота или уничтожить всякого, кто встанет на их пути.

– Вам придется целиком посвятить себя делу и работать день и ночь, – предупредил сенатор.

– Я готов.

– У меня далеко идущие планы на тебя, сынок. Насколько мне представляется, это всего лишь первый шаг. Прослужишь один-два срока губернатором, и, обещаю, мы сумеем протолкнуть тебя в Белый дом.

Оливер судорожно сглотнул.

– Вы… вы это серьезно?

– В подобных вещах шутки неуместны. Не стоит лишний раз напоминать, что в наш век телевидения возможно все. У тебя есть то, что нельзя купить за деньги, – харизма. Неотразимое обаяние. Ты принимаешь в людях живое

участие, искренне сочувствуешь их бедам, и каждый видит это. Такими качествами обладал и покойный Джек Кеннеди.

– Просто не знаю, что и сказать, Тодд.

– Не нужно ничего говорить. Завтра я должен лететь в Вашингтон, а когда вернусь, начнется настоящая работенка.

* * *

Верный своему слову, сенатор Дэвис сделал все, чтобы раскрутить избирательную кампанию. Штат буквально наводнили плакаты и постеры с портретами Оливера. Он появлялся на телевидении, митингах, собраниях, политических семинарах. У Питера всегда были наготове собственные, нигде не публикующиеся результаты общественного опроса, показывающие, что популярность Оливера увеличивается с каждым днем.

– Мы получили еще пять процентов, – сообщал Тейгер сенатору. – Всего на десять процентов отстаем от губернатора, а времени у нас хоть отбавляй. Еще несколько недель, и они пойдут голова в голову.

– Оливер должен выиграть, – кивнул сенатор. – Во что бы то ни стало.

Подождав, пока дочь спустится к завтраку, сенатор осторожно поинтересовался:

– Ну как, наш мальчик еще не сделал предложения?

– Пока нет, – улыбнулась Джан, – все ходит вокруг да около.

– Пожалуй, не стоит слишком затягивать. Не держи его в напряжении – я хочу, чтобы вы поженились, прежде чем он станет губернатором. В глазах избирателей женатый кандидат всегда выглядит надежнее. Это еще один дополнительный фактор успеха.

Джан обошла стол и нежно прижалась к отцу.

– Как хорошо, что ты познакомил нас! Я просто без ума от него!

– Дорогая, самое главное для меня – твое счастье, – просиял сенатор.

Все шло как по маслу.

* * *

На следующий вечер, приехав домой, Дэвис обнаружил заплаканную дочь, лихорадочно бросавшую вещи в чемодан.

– Что случилось, малышка? – встревожился отец.

– Я немедленно уезжаю отсюда, и чем скорее, тем лучше. И больше никогда в жизни не желаю видеть твоего Оливера!

– Погоди! Придержи коней! О чем это ты?

– О твоем любимчике, – с горечью бросила Джан. – Прошлую ночь он провел в мотеле с моей лучшей подругой. Эта дрянь едва дождалась утра, чтобы позвонить и расписать во всех подробностях, какой он великолепный любовник!

Потрясенный сенатор не находил слов.

– А может, она из зависти…

– Нет. Я звонила Оливеру. У него не хватило смелости соврать. Больше мне здесь нечего делать. Я лечу в Париж.

– Ты уверена, что правильно…

– Абсолютно.

На следующий день Джан покинула страну. Сенатор немедленно послал за Оливером.

– Ты разочаровал меня, сынок. Не ожидал от тебя такого.

Оливер тяжело вздохнул.

– Мне очень жаль, Тодд, – растерянно бормотал он, – но сами понимаете, как… как это бывает. Немного выпил, девчонка буквально вешалась на меня… какой мужчина откажется от того, что само в руки плывет?

– Верно, – сочувственно кивнул Дэвис. – В жизни всякое случается.

Оливер заулыбался:

– Клянусь, сенатор, такого больше не повторится. Поверьте…

– Поздно, парень. А жаль. Из тебя получился бы губернатор что надо.

Кровь отхлынула от лица Рассела.

– О чем вы, Тодд?

– Сам посуди, Оливер, как бы это выглядело, если бы я продолжал поддерживать тебя? Подумай о чувствах Джан…

– Но какое отношение имеют выборы к Джан? Одно другого не…

– Я всем расписывал, какая это удача, что будущий губернатор станет еще и моим зятем. Но поскольку между вами все кончено… что ж, придется подумать о новых планах.

– Да образумьтесь, Тодд! Не можете же вы…

Улыбка сенатора каким-то образом стала напоминать оскал.

– Никогда не смей указывать мне, что делать, Оливер. Я тебя создал, я и уничтожу! – Оскал как по волшебству вновь превратился в улыбку. – Но пойми

меня правильно, никакой неприязни, никаких обид с моей стороны. Прощай. И желаю всего хорошего.

– Понимаю, – немного помолчав, выдавил Оливер и поднялся. – Я… я очень сожалею.

– И я тоже, Оливер. Даже не представляешь как.

Едва за Оливером закрылась дверь, сенатор вызвал Тейгера.

– Мы сворачиваем кампанию.

– Сворачиваем? Но почему? Мы на коне. Дело в шляпе. Последний опрос…

– Не суетись, Питер. Делай, как тебе велено. Отмени все выступления Оливера. Считай, что он сошел с круга.

Еще две недели спустя рейтинг Рассела начал неуклонно снижаться. Плакаты постепенно исчезли, на радио и телевидении словно забыли о существовании Оливера.

– Губернатор Эддисон начинает набирать очки. Если мы хотим выставить нового кандидата, нужно поторопиться, – озабоченно доложил Питер.

Но сенатор задумчиво покачал головой:

– Времени еще достаточно. Тише едешь – дальше будешь.

Именно тогда Оливер в отчаянии обратился в рекламное агентство. Джим Бейли познакомил его с Лесли, и Рассел влюбился с первого взгляда. Редкостное сочетание красоты, ума и души неотразимо влекло его. Кроме того, девушка искренне верила в Оливера и была безгранично ему преданна. В Джан временами чувствовалась некоторая отчужденность, но Оливер старался не обращать на это внимания. Зато Лесли была совершенно другой – теплой,

искренней и нежной. Но все-таки иногда Оливер невольно жалел об утерянных возможностях.

«Это только первый шаг. Прослужишь один-два срока губернатором, и, обещаю, мы сумеем протолкнуть тебя в Белый дом».

«К чертям собачьим все несбыточные мечты! Я и без того буду счастлив», – убеждал себя Рассел. И все равно время от времени его изводили мысли о том, что уже никогда не сбудется.

Узнав о предстоящем венчании, сенатор спешно вызвал Питера Тейгера.

– Питер, у нас серьезные проблемы. Мы не можем позволить Оливеру Расселу пустить по ветру свою карьеру ради какого-то ничтожества.

– Не представляю, что тут можно сделать, сенатор, – нахмурился Питер. – О свадьбе уже объявлено.

Дэвис на мгновение задумался.

– Заезд еще не объявлен, верно? И сигнал к старту не дан.

Он велел секретарю соединить его с дочерью.

– Джан, у меня неприятные новости. Оливер женится.

Последовало долгое молчание.

– Я… слышала.

– И хуже всего, что он не любит эту женщину. Сам признался мне, что женится из отчаяния, потому что не знал, куда деться, когда ты его бросила. Он все еще влюблен в тебя.

– Оливер сам говорил это?

– Клянусь. Он непоправимо искалечит свою жизнь. И как ни крути, а именно ты вынуждаешь его пойти на это, крошка. Когда ты сбежала, он просто голову потерял.

– Отец… я… даже не представляла…

– На него смотреть страшно.

– Но как же мне быть?

– Ты любишь его?

– Да, и всегда буду любить. Кажется, я сделала ужасную ошибку. Сама себя наказала!

– Ну же, выше голову! Может, еще не все потеряно!

– Но он женится.

– Солнышко, почему бы нам не выждать немного? Время покажет. Возможно, он еще образумится.

Не успел Дэвис повесить трубку, как Питер возбужденно вскочил:

– Что это вы задумали, сенатор?

– Я? – с самым невинным видом удивился тот. – Ничего. Просто пытаюсь склеить разбитый горшок. Кто знает, как все обернется? Кстати, думаю, сейчас самая пора потолковать с Оливером по душам.

Сенатор не привык откладывать дела в долгий ящик, и уже в полдень Оливер Рассел появился в его кабинете.

– Рад видеть тебя, Оливер. Спасибо, что нашел время заехать. Выглядишь прекрасно.

– Благодарю, сенатор, то же самое можно сказать и о вас.

– Старость не радость, сынок, старость не радость, но, думаю, еще немного поскриплю.

– Вы зачем-то хотели меня видеть, Тодд?

– Да, сынок. Садись.

Оливер нехотя повиновался.

– У меня возникли небольшие проблемы, и потребовалась помощь адвоката. Думаю, ты сумеешь мне помочь. Одна из моих парижских компаний на грани краха. Уже назначено собрание акционеров. Я просил бы тебя присутствовать на нем и уладить все, что возможно.

– С удовольствием. Когда собрание? Я сверюсь со своим расписанием, попытаюсь выкроить время…

– Боюсь, придется лететь прямо сегодня.

– Сегодня? – растерянно повторил Оливер.

– Прости, что пришлось побеспокоить тебя в последний момент, но я сам только что узнал об этом. Мой самолет уже заправлен и ждет в аэропорту. Поверь, все это крайне важно для меня. Тебе удастся вырваться?

– Попытаюсь что-нибудь сообразить, – задумчиво протянул Оливер.

– Я знал, что могу на тебя рассчитывать, сынок. И поверь, очень ценю твое внимание, – кивнул Дэвис и, подавшись вперед, доверительно прибавил: – Знаешь, мне не дает покоя все, что с тобой произошло. Видел последние результаты опроса? Кажется, для тебя все потеряно.

– Знаю.

– Я не переживал бы так, если бы… – Дэвис осекся.

– Если бы?

– Из тебя действительно получился бы прекрасный губернатор. И вообще, редко кому выпадает возможность сделать такую карьеру. У тебя было бы все: богатство… власть. Позволь мне кое-что объяснить, Оливер. Деньги обладают способностью легко менять хозяев и даются в руки каждому: деревенский олух может сорвать куш в лотерее, дебил – получить огромное наследство, бандит – ограбить банк. Но власть… власть нечто совершенно иное. Имеющий ее получает во владение весь мир. Стань ты губернатором штата, получишь право влиять на судьбы каждого здешнего обитателя. От тебя зависит, чтобы прошел тот или иной законопроект, который, по твоему мнению, может облегчить или усложнить жизнь людей. Когда-то я обещал сделать тебя президентом Соединенных Штатов и сдержал бы слово. Подумай об огромной власти, которую ты получил бы, став главой самой могущественной страны мира. О таком стоит мечтать, верно? Только представь себе: твои возможности безграничны. Ты можешь все. Все на свете.

Оливер молча слушал, гадая, что нужно от него сенатору. И тот, словно в ответ на невысказанный вопрос, продолжал:

– И лишиться всего этого ради какой-то сучонки! Я считал, что ты умнее, сынок.

Оливер насторожился.

– Сегодня я позвонил Джан, – как бы между прочим заметил сенатор. – Она в Париже. Остановилась в отеле «Ритц». Когда я сказал, что ты женишься, она… она не выдержала и разрыдалась.

– Я уже говорил, Тодд, мне очень жаль. Надеюсь, когда-нибудь она сумеет меня простить.

– Неужели между вами действительно все кончено? – вздохнул сенатор. – Просто поверить не могу.

– Тодд, на следующей неделе моя свадьба.

– Знаю. И ни в коем случае не собираюсь вмешиваться. Наверное, я старый сентиментальный болван, но брак для меня – самое священное, что есть на свете. Благословляю от всей души, Оливер.

– Еще раз благодарю, сенатор.

– Ну что же, ничего не поделаешь.

Дэвис взглянул на часы.

– Тебе еще нужно успеть заехать домой и сложить вещи. Повестка заседания, суть дела и необходимые подробности будут переданы в Париж по факсу.

Оливер поднялся.

– Ладно. И не волнуйтесь, я обо всем позабочусь.

– Не сомневаюсь. Кстати, я заказал тебе номер в «Ритце».

…Верный своему слову, сенатор приготовил для Оливера свой личный «Челленджер». Сидя в роскошном салоне, Оливер перебирал в памяти разговор с сенатором.

«Из тебя действительно получился бы прекрасный губернатор… Редко кому выпадает возможность сделать такую карьеру… Имеющий власть получает во владение весь мир… Стань ты губернатором этого штата, получишь право влиять на судьбы каждого, кто живет здесь…»

«Но мне не нужна эта власть, – убеждал себя Оливер. – Нет. Я женюсь на чудесной женщине. Мы сумеем сделать друг друга счастливыми. Очень счастливыми».

В парижском аэропорту Ле-Бурже его уже ожидал лимузин.

– Куда прикажете, мистер Рассел? – спросил водитель.

«Кстати, я заказал тебе номер в „Ритце“… Джан живет в „Ритце“. Наверное, лучше было бы остановиться в другом отеле, „Плаза-Атене“ или „Мерисе“. Или…»

Водитель выжидающе поглядывал на него.

– «Ритц», – велел Оливер. Он до сих пор не удосужился извиниться перед Джан. Будет лучше объясниться с ней раз и навсегда.

Он позвонил ей из вестибюля:

– Привет, Джан, это Оливер. Я в Париже.

– Знаю. Отец предупредил.

– Я внизу. И хотел бы зайти поговорить. Если ты…

– Поднимайся.

Он постучал в дверь и вошел, мучительно подбирая нужные слова. Но Джан, не давая Оливеру раскрыть рта, бросилась ему на шею и поцеловала.

– Как я рада, что ты согласился прилететь!

Оливер окончательно растерялся. Так или иначе, придется сказать правду о Лесли, но как лучше сделать это, не обидев Джан?

«Я не хотел, чтобы это случилось… Не думал ранить тебя… Я полюбил другую… но всегда…»

– Я должен кое-что сказать тебе, – запинаясь, начал он. – Дело в том…

И, глядя на Джан, такую красивую, уверенную в себе, со вкусом одетую, он снова вспомнил напутственные слова ее отца:

«Когда-то я обещал сделать тебя президентом Соединенных Штатов и сдержал бы слово. Подумай об огромной власти, которую ты получил бы, став главой самой могущественной страны мира. О таком стоит мечтать, верно?»

– В чем, дорогой?

И слова сами слетели с языка, словно помимо его воли, словно кто-то другой говорил вместо Оливера.

– Я так наказан, Джан! Каким же идиотом я был! Я люблю тебя. Пожалуйста, будь моей женой!

– Оливер!

– Ты выйдешь за меня?

– Да, любимый! – не колеблясь выпалила Джан. – Конечно, да!

Он подхватил ее на руки, понес в спальню, и через минуту они, голые, сплелись в объятиях на широкой кровати.

– Ты не представляешь, как я тосковала по тебе, дорогой!

– Я сходил с ума…

Джан прижалась к нему еще крепче и простонала:

– О боже, я не вынесу этого… умираю… как чудесно…

– Потому что мы предназначены друг для друга.

Оливер внезапно сел.

– Давай сообщим обо всем твоему отцу.

– Сейчас? – изумленно пробормотала Джан.

– Именно.

«А мне придется объясняться с Лесли».

Джан едва дождалась, пока ее соединят с отцом.

– Оливер и я решили пожениться.

– Девочка моя, я на седьмом небе от счастья! Кстати, мэр Парижа – мой давний друг. Он ждет твоего звонка. И немедленно поженит вас. Я постараюсь обо всем договориться…

– Но…

– Передай трубку Оливеру.

– Секунду, папочка. Оливер, папа хочет поговорить с тобой.

– Да, Тодд?

– Ну что же, мальчик мой, ты молодец! И поступил как надо! Я очень рад.

– Спасибо, я тоже.

– Я думаю, вам лучше пожениться в Париже. А когда вернетесь домой, устроим грандиозное венчание в Калвери-Чейпл.

Оливер мучительно нахмурился:

– Калвери-Чейпл? Вряд ли… по-моему, лучше не стоит, Тодд. Мы с Лесли собирались… Почему бы не…

– Ты опозорил мою дочь на весь город, Оливер, – холодно бросил сенатор. – И надеюсь, постараешься загладить все обиды, что причинил ей. Я прав?

Последовало долгое молчание.

– Да, Тодд. Разумеется.

Гражданская церемония заняла всего несколько минут. Выйдя из мэрии, Джан робко сказала:

– Отец хочет, чтобы мы обвенчались в Калвери-Чейпл.

Рассел поколебался, представив, как, должно быть, страдает Лесли. Стоит ли ранить ее еще больнее? Но он зашел слишком далеко, чтобы отступать.

– Хорошо, дорогая.

…Но несмотря ни на что, он так и не смог забыть о Лесли. Она ничем не заслужила такого унижения. Несколько раз Оливер пытался позвонить ей, но каждый раз клал трубку. Что он может объяснить? Как оправдаться? И не находил ответа. Наконец Рассел все-таки набрался мужества, но оказалось, что пресса уже несколько дней безжалостно терзает Лесли, и от этого он почувствовал себя еще большим подлецом.

После возвращения новобрачных в Лексингтон избирательная кампания Оливера вновь набрала силу. Питер Тейгер пустил в ход все возможные приемы и уловки, и Оливер стал почти ежедневно выступать по радио и телевидению. Репортеры из кожи вон лезли, восхваляя нового перспективного кандидата, газетчики почитали за честь взять у него интервью. Он произносил речи перед толпой собравшихся в Кентукки-Киндом-Трил-парке и на заводе «Тойота» в

Джорджтауне. Пожимал руки будущим избирателям на площади в Ланкастере. И это было только началом.

Нанятый Питером автобус провез Оливера и сотрудников его штаба по всему Кентукки, из Джорджтауна в Стэнфорд и Франкфорт… Версаль… Винчестер… Луисвилль…

Оливер появлялся в кентуккийском выставочном центре и на ярмарке. В его честь был устроен банкет, где подавали бергу – местное блюдо – рагу из кур, телятины, говядины, баранины, свинины и свежих овощей, тушенных вместе в огромном котле на костре.

Рейтинг Оливера продолжал повышаться. Он не появился на публике только в день свадьбы. При виде Лесли у него от страха душа ушла в пятки. Однако все обошлось. После он, запинаясь, спросил у Питера:

– Как по-твоему, Лесли способна мстить?

– Конечно, нет! А даже если бы и хотела, что она может сделать? Забудь о ней.

Оливер решил, что Тейгер прав. Теперь все препятствия устранены. Нет никаких причин тревожиться. Ничто не встанет у него на пути. Ничто и никто.

В ночь выборов Лесли Стюарт сидела перед телевизором, ожидая подсчета голосов. Оливер отвоевывал у соперника город за городом. Наконец, за пять минут до полуночи, на экране появился губернатор Эддисон, чтобы произнести заключительную речь, в которой признавал поражение и поздравлял своего преемника. Лесли выключила телевизор, встала и глубоко вздохнула.

Не плачь, моя красавица!

Развеем лучше скуку

И вместе песенку споем

О доме милом и родном

В далеком голубом Кентукки[5 - Стихи даны в переводе Е.Ф. Левиной.].

Время настало. Пора.

Глава 3

Сегодня у сенатора Тодда не было ни единой свободной минуты. Он прилетел из столицы в Луисвилль на один день, чтобы поучаствовать в конском аукционе. Только в этом городе на продажу выставлялись самые чистопородные лошади в стране.

– Самое главное – сохранять безупречную родословную и чистоту крови, – пояснял он Тейгеру, не отрывая взгляда от большой арены, на которую одного за другим выводили великолепных животных. Наконец при виде красавицы кобылки сенатор оживился. – Это Далекий Парус. Вот ее я и куплю.

Начались оживленные торги, но уже минут через десять лошадка перешла в собственность Дэвиса. Зазвонил сотовый телефон. Тейгер поднес его к уху, послушал и обернулся к сенатору:

– Будете говорить с Лесли Стюарт?

Дэвис поморщился и неохотно взял протянутую трубку.

– Мисс Стюарт?

– Простите, что беспокою вас, сенатор Дэвис, но не могли бы вы уделить мне немного времени? Я прошу о небольшом одолжении.

– Видите ли, сегодня вечером мне нужно лететь в Вашингтон, так что…

– Может, мы могли бы поговорить прямо в аэропорту? Это очень важно для меня.

Сенатор нерешительно замялся:

– Ну… что ж, если вы так просите, я, конечно, попробую что-то сделать, юная леди. Сейчас я отправляюсь на свою ферму. Хотите, встретимся там?

– Конечно.

– Жду вас через часок.

– Спасибо.

Дэвис отключил телефон и обернулся к Питеру:

– Кажется, я ошибся в девчонке. Думал, у нее больше мозгов. Ей следовало бы потребовать денег до того, как Джан и Оливер поженились.

И тут, что-то сообразив, медленно расплылся в улыбке.

– Будь я проклят!

– О чем это вы, сенатор?

– До меня только сейчас дошло, к чему такая спешка! Словно ей хвост прищемили! Мисс Стюарт неожиданно обнаружила, что залетела от Оливера, и нуждается в небольшой финансовой поддержке. Самый старый трюк в мире, со времен царя Соломона! Но меня не проведешь, я на таких штуках собаку съел!

Ровно час спустя Лесли подъехала к воротам Дач-Хилл, фермы Дэвиса. У дома уже топтался охранник.

– Мисс Стюарт?

Лесли кивнула.

– Сенатор Дэвис ждет вас. Сюда, пожалуйста.

Широкий коридор привел их к дверям большой, отделанной панелями библиотеки, забитой книгами. Сенатор, устроившись за письменным столом, перелистывал огромный том. При появлении Лесли он вскинул глаза и учтиво встал.

– Рад видеть вас, дорогая. Садитесь, пожалуйста.

Лесли уселась. Сенатор поднял фолиант повыше:

– Посмотрите-ка, что у меня есть! Замечательная штука! Что-то вроде справочника. Здесь перечисляются имена победителей Кентукки-дерби[6 - Известные скачки на Кубок Кентукки.], всех до единого. Знаете, кто был самым первым?

– Нет, разумеется.

– Аристид, в 1875-м. Но вы, конечно, приехали не затем, чтобы рассуждать о лошадях. Насколько я понял, речь идет о каком-то одолжении?

Интересно, как она начнет выкручиваться?

«…я только сейчас поняла, что у меня будет ребенок от Оливера, и совсем растерялась… Не хотелось бы устраивать скандал, но… Я не собираюсь избавляться от ребенка, но при моем жалованье…»

– Вы знакомы с Генри Чеймберсом? – неожиданно спросила Лесли.

Сенатор Дэвис, застигнутый врасплох, лишь недоумевающе захлопал глазами.

– Знаю… Генри? При чем тут… Естественно. Но зачем?

– Я была бы крайне благодарна, если бы вы порекомендовали ему меня.

Сенатор ошеломленно уставился на нее, пытаясь собраться с мыслями.

– Именно в этом и заключается ваша просьба? Хотите познакомиться с Генри Чеймберсом?

– Именно.

– Но боюсь, он здесь больше не живет, мисс Стюарт. Переехал в Финикс, штат Аризона.

– Знаю. Я тоже улетаю туда, потому что просто не могу больше оставаться в Лексингтоне, и подумала, что было бы неплохо иметь там хоть одного знакомого. Как-то страшновато оказаться без родных и друзей в чужом городе.

Сенатор Дэвис молча всматривался в девушку. Интуиция хитрого матерого хищника подсказывала, что тут что-то неладно, но что именно?

– Вы что-нибудь знаете о Генри Чеймберсе? – осторожно спросил он наконец, боясь промахнуться.

– Нет. Только то, что он уроженец Кентукки.

Сенатор лихорадочно пытался сообразить, стоит ли соглашаться.

«Красивая девушка. Ну что тут может быть опасного? Генри придет в восторг!»

– Хорошо, я позвоню.

Он потянулся к телефону и набрал номер.

– Генри? Это Тодд. С прискорбием сообщаю, что сегодня утром купил лошадку. Да, Далекий Парус. Знаю, ты положил на нее глаз, но надеюсь, не станешь держать камень за пазухой.

Послушав немного, он рассмеялся.

– Вот именно. Я слышал, ты недавно развелся. Жаль. Джессика – настоящая леди, ничего не скажешь. Она всегда мне нравилась. – Поболтав еще несколько

минут, сенатор перешел к делу: – Генри, у меня для тебя приятный сюрприз. Моя приятельница завтра переезжает в Финикс. Она не знает там ни единой души, и я буду крайне признателен, если ты присмотришь за ней… Как она выглядит?

Он оценивающе осмотрел Лесли и улыбнулся.

– Не так уж и плохо. Только не разевай рот слишком широко. И не бери ничего в голову. – И, обернувшись к Лесли, прошептал: – Когда прибывает ваш самолет?

– Без десяти три. Рейс 159 компании «Дельта».

Сенатор передал Генри слова Лесли и добавил:

– Ее зовут Лесли Стюарт. Ты еще не раз поблагодаришь меня за нее. Ну, до встречи, дружище. Береги себя. Созвонимся.

– Спасибо, – выдохнула Лесли.

– Могу я еще что-нибудь сделать для вас?

– Нет. Больше я ни о чем не попрошу.

«Почему? Какого дьявола понадобилось Лесли Стюарт от Генри Чеймберса?»

Даже в самых страшных кошмарах Лесли представить не могла, какую изощренную публичную пытку ей придется терпеть каждый день. В конце концов, сотни помолвленных пар то и дело ссорятся и расходятся навсегда без особого шума, но скандал с несостоявшейся свадьбой будоражил весь Лексингтон. Люди почему-то всегда беспощадны именно к брошенным женщинам. И Лесли не стала исключением. Где бы она ни появлялась, змеиные языки мгновенно начинали шипеть:

– Вот она! Та самая! Он оставил ее едва ли не у алтаря…

– Я сохранила свадебное приглашение на память…

– Интересно, куда она денет подвенечное платье?

Временами боль становилась нестерпимой, а унижение – невыносимым. Лесли больше никогда не сможет доверять ни одному мужчине. Никогда. Единственным, хотя и слабым утешением были мечты о том, что в один прекрасный день она заставит Оливера Рассела заплатить за все, что он с ней сделал. У нее пока не было никаких планов. За Оливером стоит сенатор Дэвис, а его поддержка означает могущество и деньги. Значит, выход один – стать еще богаче, еще могущественнее. Но как? Как?!

Инаугурация проходила в городском саду Франкфорта, столицы штата, рядом с громадными затейливыми цветочными часами. Джан гордо стояла бок о бок с Оливером, пока новоявленный губернатор приносил присягу. Если он поведет себя правильно, кто знает, может, и в самом деле следующей ступенькой станет Белый дом? Отец, по крайней мере, заверил ее в этом. И Джан была готова пойти по трупам, лишь бы это сбылось. Ничто не должно стать на их пути. Ничто.

После церемонии Оливер с тестем заперлись в великолепной библиотеке Экзекьютив-Мэншн, губернаторской резиденции, величественного здания, скопированного с Малого Трианона – виллы Марии-Антуанетты неподалеку от Версальского дворца.

Сенатор оглядел роскошно обставленную комнату и удовлетворенно усмехнулся:

– Все будет хорошо, сынок. Верь мне. Такого губернатора в Кентукки еще не бывало.

– Я всем обязан вам, – искренне признался Оливер. – И никогда этого не забуду.

Сенатор Дэвис решительно отмахнулся:

– Брось, Оливер. Ты здесь, потому что как никто заслуживаешь этого. Ну да, конечно, пришлось немного подтолкнуть события, но это только начало. Я слишком давно занимаюсь политикой, сынок, и многому успел научиться.

Он выжидающе уставился на Оливера, и тот послушно кивнул:

– Вы ведь поделитесь со мной, Тодд, верно?

– Видишь ли, многие люди не понимают главного, – объяснил Дэвис. – Дело не в том, кого ты знаешь, главное и основное – что именно тебе известно о знакомых и друзьях. У любого найдется свой скелет в шкафу. От тебя требуется одно – вытащить его на свет божий, и тогда… Ты не представляешь, с какой радостью они пойдут на все, лишь бы помочь тебе. Я случайно узнал, что один из конгрессменов провел год в психушке. Другой подростком отбывал срок в исправительной колонии за воровство. Представляешь, что будет с ними и их карьерой, если все выплывет наружу? Но все это льет воду на нашу мельницу.

Сенатор открыл дорогой кожаный портфель, вынул стопку бумаг и передал Оливеру.

– Здесь все о тех, с кем тебе придется иметь дело в Кентукки. Весьма влиятельные люди, но у каждого своя ахиллесова пята. – И неожиданно весело хмыкнул: – Особенно чувствительна эта самая пята у мэра. Он трансвестит.

Оливер ошеломленно листал досье.

– Только держи все в сейфе, слышишь? Это чистое золото.

– Не волнуйтесь, Тодд. Я буду крайне осторожен.

– И вот что еще, сынок, – не дави слишком сильно на людей, от которых тебе что-то нужно, иначе они просто сломаются. Гораздо разумнее согнуть их немного, подчинить своей воле. Кстати, как у тебя дела с Джан? Не ссоритесь?

– Что вы, Тодд! Все прекрасно! – поспешно, слишком поспешно ответил Оливер, хотя в общем-то не солгал. В его представлении это был удачный брак по расчету, и лишь от него зависело, чтобы он не распался. Оливер никогда не забудет полученный урок, когда один неосторожный, опрометчивый поступок, дурацкая прихоть, едва не погубил его.

– Вот и чудненько. Надеюсь, ты понимаешь, как важно для меня счастье Джан.

Это прозвучало явным предостережением, которое не стоило игнорировать.

– И для меня тоже, – заверил Оливер.

– Кстати, как ты относишься к Питеру Тейгеру?

– Прекрасный человек! Просто неоценимый! Не знаю, что бы делал без него.

– Рад слышать это, – кивнул сенатор. – Лучше тебе никого не найти. Я решил, что он временно поработает с тобой. Только Питер сумеет уберечь тебя от ошибок и выстелить тебе дорожку.

– Здорово! – расплылся в улыбке Оливер. – Я вам крайне признателен, Тодд.

Дэвис поднялся:

– Ну что же, пора обратно, в Вашингтон. Дашь мне знать, если что-то понадобится.

– Спасибо, Тодд, обязательно.

* * *

После ухода тестя Оливер попытался разыскать Тейгера.

– Он в церкви, губернатор, – ответила горничная.

– Верно! Я и забыл, что сегодня воскресенье! Ничего, увидимся завтра.

Питер с семьей каждое воскресенье бывал в церкви и три раза в неделю посещал двухчасовые службы. Оливер в чем-то завидовал ему. Возможно, потому, что счастливее человека еще не встречал.

Утром в понедельник Питер явился в губернаторский кабинет.

– Что-то случилось, Оливер?

– Я попрошу вас кое о чем, но это сугубо личное.

– Сделаю все, что могу, – кивнул Питер.

– Мне нужна квартира.

Питер с шутливым недоумением обвел глазами огромную комнату.

– Это место слишком тесное для вас, губернатор?

– Дело не в этом, – пробормотал Оливер, не сводя пристального взгляда с Питера. – Иногда мне нужно встретиться кое с кем наедине. Не стоит, чтобы об этом знали. И нежелательно лишний раз попадаться на глаза. Надеюсь, вы меня понимаете?

Последовало неловкое молчание.

– Д-да, – наконец выдавил Питер.

– Что-нибудь на окраине города. Вы сумеете найти подходящий уголок?

– Вероятно.

– Надеюсь, это останется между нами.

Питер, явно смущенный, поежился и глубоко вздохнул. Однако это не помешало ему немедленно связаться с Вашингтоном.

– Оливер попросил меня нанять ему квартиру для интимных встреч, сенатор.

– Уже? Способный мальчик, далеко пойдет. Быстро усваивает правила, Питер, быстро усваивает. Учится на ошибках. Сделай, как велено. Только позаботься, чтобы Джан не узнала. – И, немного подумав, сенатор добавил: – Отыщи ему домик на Индиан-Хиллз. С отдельным входом.

– Но это просто ни в какие ворота…

– Питер, не спорь. Так надо.

Глава 4

Как ни странно это звучит, но Лесли нашла ответ на терзавшие ее вопросы в двух не имеющих ни малейшего отношения друг к другу статьях. На первой странице «Лексингтон геральд лидер» красовалась передовица, изобилующая неумеренными восхвалениями в адрес губернатора Оливера Рассела. В последнем абзаце как бы вскользь упоминалось о том, что никто из достойных граждан не удивится, если в один прекрасный день Оливер Рассел займет высокий пост президента Соединенных Штатов.

В столбце хроники на другой странице сообщалось:

«Генри Чеймберс, бывший наш земляк и житель Лексингтона, чья лошадь Молния выиграла кубок Кентукки-дерби пять лет назад, развелся со своей третьей женой Джессикой. В настоящее время Чеймберс переехал в Финикс, где стал владельцем и издателем газеты „Финикс стар“».

Пресса. Вот она, истинная власть! Катарина Грэм и ее «Вашингтон пост» уничтожили, растоптали, превратили в ничто самого президента[7 - Имеются в виду Никсон и знаменитый «Уотергейт».].

* * *

И в этот момент Лесли осенила гениальная идея. Следующие два дня она постаралась узнать о Генри Чеймберсе все, что можно. В Интернете обнаружилась довольно интересная информация. Чеймберс, пятидесятипятилетний филантроп, унаследовал огромное состояние от отца, табачного короля, и посвятил всю свою жизнь тому, чтобы пустить эти деньги по

ветру. Но Лесли нуждалась не в его богатстве. Ее интересовало совсем другое: Генри издает газету и, если верить заметке, в третий раз стал холостяком, следовательно, на него можно открыть охоту.

После разговора с сенатором Лесли немедленно отправилась к Джиму Бейли.

– Джим, мне очень жаль, но я увольняюсь.

Тот сочувственно закивал:

– Конечно, Лесли, разумеется. Тебе не мешает отдохнуть. Когда вернешься, мы все обсудим…

– Я не вернусь.

– Что?! Но я не хочу расставаться с тобой, Лесли. Пойми, нет смысла убегать от трудностей. Этим ничего не добьешься.

– Я не собираюсь бежать.

– Ты твердо решила?

– Да.

– Нам будет не хватать тебя. Когда собираешься уволиться?

– Я уже уволилась.

Лесли Стюарт часами ломала голову, пытаясь придумать, где и каким образом лучше всего познакомиться с Генри, так чтобы тот сразу обратил на нее внимание. Ошибаться нельзя – нужно действовать сразу и наверняка. И тут она вспомнила о Дэвисе. У них с Генри одинаковое происхождение, оба вращаются в одних и тех же кругах и, несомненно, знакомы друг с другом. И тогда Лесли решилась позвонить сенатору.

Как только самолет Лесли приземлился в аэропорту Скай-Харбор, девушка, словно подгоняемая неведомой силой, подбежала к газетному киоску в аэровокзале, купила «Финикс стар» и быстро просмотрела. Ничего. Пришлось обзавестись экземпляром «Аризона рипаблик», но только в «Финикс газетт» она нашла то, что искала. Колонку с гороскопами Золтера.

«Как все это глупо! Я же не верю в астрологию, – уговаривала она себя. – Лишь круглая идиотка может увлекаться подобным вздором!»

Но глаза уже жадно шарили по строчкам.

«Лев (23 июля – 22 августа). Юпитер вошел в фазу Солнца. Осуществление романтических планов. Будущее светло и безоблачно. Но не предпринимайте поспешных шагов. Действуйте осторожно».

У выхода стоял лимузин.

– Мисс Стюарт? – почтительно осведомился водитель.

– Это я.

– Мистер Чеймберс шлет вам привет. Мне велено отвезти вас в отель.

– Как любезно с его стороны! – пробормотала Лесли, пытаясь скрыть разочарование. Она надеялась, что Генри сам приедет ее встречать.

– Мистер Чеймберс просил узнать, не согласитесь ли вы поужинать с ним сегодня вечером, если, конечно, у вас найдется время.

А вот это уже лучше. Гораздо лучше.

– Пожалуйста, передайте, что я буду рада принять приглашение.

Ужин прошел очень весело. Чеймберс, привлекательный мужчина с точеными чертами аристократического лица, седеющими каштановыми волосами и подкупающей улыбкой, оказался великолепным собеседником и гостеприимным хозяином.

Он не сводил с Лесли восторженного взгляда.

– Тодд не соврал, уверяя, что делает мне огромное одолжение.

– Вы мне льстите, – потупилась Лесли.

– Что заставило вас решиться переехать в Финикс, Лесли?

«Ты содрогнулся бы, узнав истинную причину».

– Я так много слышала об этом городе. И подумала, что здесь мне будет хорошо.

– И не ошиблись. Чудесный город! Вам тут понравится. В Аризоне есть все: Гранд-Каньон, пустыня, горы. Тут вы найдете, что искали.

«Совершенно верно», – подумала Лесли.

– Но нужно же вам где-то жить! Уверен, что сумею помочь вам отыскать подходящее местечко.

Лесли знала, что ее сбережений едва хватит на три месяца. Она должна спешить.

Но ей повезло. Как выяснилось, двух месяцев оказалось вполне достаточно.

Полки книжных магазинов были забиты бесчисленными руководствами для женщин, стремящихся обрести спутника жизни. Известные и неизвестные психологи, экстрасенсы, специалисты по проблемам брака и считающие себя

таковыми разглагольствовали на тему, как вернее поймать мужчину.

«Умнее всего разыгрывать недотрогу…»

«Заманите его в постель и окрутите так, чтобы он потерял голову…»

Но Лесли не нуждалась в подобных советах. Она изобрела собственный метод – дразнила Генри, позволяя приближаться, но оставаясь неуловимой. Ему еще не приходилось сталкиваться с подобными женщинами. Чеймберс принадлежал к джентльменам старой школы, автоматически относившим любую хорошенькую блондинку в разряд безмозглых дурочек. Генри и в голову не приходило, что всю жизнь его привлекали прелестные, но не слишком умные женщины. Лесли стала для него откровением – умна, образованна, прекрасно умеет выражать свои мысли и способна рассуждать едва ли не на любую тему.

Они говорили о философии, религии и истории, и позже Генри признавался приятелю:

– По-моему, ей приходится ужасно много читать, чтобы поддерживать беседу на должном уровне.

Генри Чеймберс искренне наслаждался обществом Лесли. Он хвастал ею перед своими друзьями и, фигурально говоря, носил на рукаве, словно генеральские нашивки: возил на фестивали изящных искусств и в «Экторз театр». На какое-то время они стали неразлучны. Вместе посещали вернисажи в галерее «Лайен» в Скотсдейле, концерты в филармонии «Симфони-холл» и ежегодный карнавал в маленьком городке Чендлере, а как-то даже отправились на хоккей, чтобы посмотреть игру «Финикс роудраннерз».

Провожая ее домой, Генри неожиданно признался:

– Вы мне очень нравитесь, Лесли. Знаете, я думаю, нам будет хорошо в постели. Мне бы очень хотелось, чтобы между нами было что-то большее, чем просто дружба.

Лесли сжала его руку и тихо ответила:

– Вы тоже мне нравитесь, Генри, но я не могу.

…Они условились поужинать вдвоем на следующий день. Генри позвонил Лесли:

– Почему бы вам не заехать за мной в редакцию «Стар»? Я хочу, чтобы вы все здесь посмотрели.

– С удовольствием, – согласилась Лесли. Именно этого она и добивалась. В Финиксе было еще две газеты, «Аризона рипаблик» и «Финикс газетт», но только «Стар» была убыточной.

Помещения и типография «Финикс стар» оказались куда меньше, чем ожидала Лесли. Генри повел ее на экскурсию, и девушка, оглядывая тесные комнатки, поняла, что вряд ли именно это издание сумеет поспособствовать падению губернатора или президента. Но это всего лишь средство для достижения цели. У нее далеко идущие планы.

Лесли живо интересовалась всем, что попадалось на глаза, засыпала Генри вопросами, но тот по каждому поводу отсылал ее к Лайлу Баннистеру, главному редактору. Лесли поразилась, поняв, как мало Генри знает и насколько он равнодушен к издательскому делу. Но это лишь подстегивало ее решимость поскорее усвоить все, что возможно, войти в курс дела.

Это произошло в «Боргате», итальянском ресторанчике, отделанном в стиле деревенского домика. Еда была выше всяких похвал: суп-пюре из омаров, медальоны из телятины под соусом бернез, белая спаржа с приправой из уксуса, прованского масла и пряностей и суфле «Гран Марнье». Генри Чеймберс, как всегда, был говорлив и весел, и вечер прошел незаметно.

– Все-таки я люблю Финикс, – уверял Генри. – Трудно поверить, что всего пятьдесят лет назад его население составляло шестьдесят пять тысяч. Теперь же здесь свыше миллиона жителей.

– Но почему вы решили покинуть Кентукки и переселиться сюда, Генри? – с любопытством спросила Лесли.

Тот огорченно пожал плечами:

– Собственно говоря, от меня ничего не зависело. Все мои проклятые легкие. Доктора не могут точно сказать, сколько мне осталось. Считают, что в здешнем климате я дольше протяну. Поэтому я и решил остаток дней своих провести здесь… что осталось, то мое. Вот и обосновался в Финиксе.

Он улыбнулся и погладил Лесли по руке.

– Они сами не знают, насколько оказались правы, когда убеждали меня перебраться сюда. Кстати, надеюсь, вы не считаете, что я слишком стар для вас? – с тревогой осведомился он.

– По-моему, даже слишком молоды, – засмеялась Лесли.

Генри упрямо покачал головой.

– Я вполне серьезно. Вы согласны стать моей женой?

Лесли на мгновение прикрыла глаза. И снова увидела ту проклятую дощечку на тропинке.

«Лесли, ты выйдешь за меня?..»

«Боюсь, не могу пообещать, что станешь женой губернатора, зато я чертовски хороший адвокат…»

Лесли стиснула зубы. Нет, она не позволит сломить себя. У нее есть цель, нужно идти вперед.

– Да, я очень хочу этого.

Больше всего на свете.

Две недели спустя они поженились.

Сенатор Дэвис долго изучал свадебное объявление, напечатанное в «Лексингтон геральд лидер».

«Простите, что беспокою, но не могли бы вы уделить мне время, сенатор? Я прошу об одолжении… Вы знакомы с Генри Чеймберсом?..»

Если именно этого она добивалась, тогда все в порядке.

Если именно этого она добивалась…

Медовый месяц Лесли и Генри провели в Париже, но где бы они ни бывали, в ее голове вертелась одна неотвязная мысль – ходили ли по этим улицам Оливер и Джан, обедали ли в этих кафе, забегали ли в эти самые магазины? Она представляла их вместе, обнаженных, занимавшихся любовью на огромной кровати. И Оливер шепчет Джан те же лживые нежности. Но ничего, он за это поплатится! И горько!

Генри безумно любил жену и из кожи вон лез, чтобы угодить ей. В других обстоятельствах Лесли, вероятно, могла бы ответить тем же, но в душе что-то бесповоротно умерло. А в сердце не осталось никаких чувств, кроме ненависти. Больше ни один мужчина не посмеет обмануть ее.

Спустя несколько дней после возвращения новобрачных в Финикс Лесли несказанно удивила мужа, заявив, что хочет работать в газете.

– Зачем тебе это? – рассмеялся Генри.

– Нужно же чем-то занять себя. Раньше я служила в рекламном агентстве и неплохо справлялась. Возможно, сумею помочь с объявлениями.

Генри долго сопротивлялся, но наконец уступил.

– Стараешься быть в курсе всех городских новостей? – поддразнил он, заметив, что жена каждый день читает «Лексингтон геральд лидер».

– В общем-то да, – улыбнулась Лесли. На самом деле она с жадностью искала любое упоминание об Оливере. Она искренне желала ему счастья и успеха. Тем больнее будет падать.

…Когда Лесли впервые заметила мужу, что «Стар» – убыточное издание, тот только отмахнулся.

– Дорогая, это капля в море по сравнению с остальными моими доходами. Какое значение имеет жалкая газетенка?

Но для Лесли газета стала делом жизни. И чем глубже она погружалась в сложный и запутанный мир журналистики, тем больше ей казалось, что причина финансовых потерь – профсоюзы. Печатные станки «Финикс стар» давно устарели, но профсоюзы отказывались позволить приобрести новое оборудование, утверждая, что из-за этого печатники лишатся работы. Как раз сейчас они обсуждали с редакцией газеты новый трудовой договор.

Лесли попыталась посоветоваться с мужем, но тот ничего не хотел слышать:

– Зачем тебе все это? Лучше поедем куда-нибудь развлечемся.

– У меня и без того достаточно развлечений, – заверила Лесли. Окончательно отчаявшись, она решила поговорить с Крейгом Макаллистером, адвокатом «Стар».

– Ну как наши дела?

– Хотелось бы сообщить вам новости получше, миссис Чеймберс, но боюсь, положение не из приятных.

– Переговоры все еще идут, верно?

– Вроде бы да, но на самом деле… Джо Райли, председатель профсоюза печатников, упрямый сукин… человек упрямый. На волосок не уступит. Контракты печатников заканчиваются через десять дней, и Райли твердит, что если к тому времени не будут заключены новые, значит, они просто увольняются.

– И вы ему верите?

– Да. Терпеть не могу уступать подобным типам, но без печатников мы не сможем выпускать газету. Она просто-напросто закроется. Не одно издание разорилось из-за конфликта с профсоюзами.

– А что они требуют?

– Как обычно. Сокращенный рабочий день, повышение заработной платы, запрет на усовершенствованное оборудование…

– Они душат нас, Крейг. Мне это не нравится.

– В таких случаях эмоции нужно оставлять в стороне, миссис Чеймберс. Главное – практическая сторона дела.

– Значит, вы советуете соглашаться?

– Вряд ли у нас есть выбор.

– В таком случае, почему бы мне не потолковать с Джо Райли?

Встречу назначили на два часа, но Лесли немного опоздала с обеда, а когда, запыхавшись, ворвалась в приемную, Джо Райли уже был там. Небрежно присев на край стола, он болтал с Эми, секретаршей Лесли, хорошенькой темноволосой девушкой.

Джо Райли, ирландец лет тридцати пяти грубоватого вида, считался опытным печатником. Три года назад его избрали председателем профсоюза, и с тех пор он успел приобрести репутацию самого неуступчивого, самого несговорчивого профсоюзного лидера в издательском деле. Владельцы газет и журналов боялись его как огня.

К удивлению Лесли, ни Джо, ни Эми ее не заметили, очевидно, слишком занятые друг другом. Она стояла, боясь шевельнуться и пропустить что-то важное.

– …и тут мужчина поворачивается к ней и хнычет, – доканчивал Джо анекдот. – «Вам легко говорить, но как мне добраться назад?»

– Откуда ты всего этого набираешься, Джо? – рассмеялась Эми.

– Ах, дорогая, сама знаешь, где только не приходится бывать! Как насчет ужина сегодня?

– Разумеется. Заедешь за мной?

Но в этот момент Райли поднял глаза и увидел Лесли.

– Добрый день, миссис Чеймберс.

– Здравствуйте, мистер Райли. Заходите, пожалуйста.

Лесли решила принять Райли в небольшом конференц-зале.

– Кофе? – предложила она.

– Нет, спасибо.

– Что-нибудь покрепче?

– Как вам известно, миссис Чеймберс, в рабочее время пить запрещено, – ухмыльнулся Джо.

Лесли незаметно стиснула кулаки, готовясь к нелегкой схватке.

– Прежде чем переговоры начнутся снова, я решила сама побеседовать с вами, потому что все считают вас человеком справедливым, мистер Райли.

– По крайней мере стараюсь быть им, – кивнул тот.

– Во-первых, хочу сказать, что вполне сочувствую вашим требованиям. Конечно, хозяева должны идти на какие-то уступки, но вы просите слишком многого. Некоторые уловки членов вашего профсоюза ежегодно обходятся нам в миллионы долларов.

– Не могли бы вы объяснить подробнее?

– С удовольствием. Печатники пользуются сокращенным рабочим днем и все-таки стараются попасть в ночные смены, где платят сверхурочные. Некоторые умудряются проработать три смены подряд, да еще в выходные. Кажется, это называется у них «идти на прорыв». Больше мы не можем позволить себе такого. Приходится терпеть огромные убытки из-за морально устаревшего оборудования. Если бы мы смогли установить новые печатные машины…

– Те, которые заменят труд десятков людей? Ни за что! Не позволю, чтобы членов моего профсоюза выбрасывали на улицу из-за ваших чертовых станков! В отличие от рабочих они не просят есть каждый день.

Райли поднялся.

– Срок контракта истекает на следующей неделе. Либо мы получим все, что требуем, либо начнем бастовать.

Вечером Лесли рассказала обо всем Генри, но тот лишь пожал плечами:

– Зачем тебе все это нужно? Профсоюзы – неизбежное зло, с которым так или иначе приходится мириться. Позволь дать тебе совет, милая. Ты не только новичок во всем этом, но к тому же еще и женщина. Предоставь мужчинам улаживать свары и ссоры. Не стоит… – Он неожиданно осекся, жадно хватая губами воздух.

– Что с тобой?!

– Ничего страшного. Был сегодня у своего идиота доктора, и он считает, что мне не мешало бы несколько часов в день проводить в кислородной камере.

– Я немедленно все устрою, – встрепенулась Лесли. – И наймем сиделку, чтобы, пока меня не бывает дома…

– Нет! К чертям собачьим сиделок! Я… я просто немного устал.

– Пойдем, Генри, я помогу тебе лечь в постель.

Через несколько дней Лесли назначила срочное совещание совета директоров, но Генри ничего не желал слышать:

– Поезжай сама, крошка. Я лучше останусь дома и почитаю.

За последние дни ему стало немного легче, но о полном выздоровлении не могло быть и речи. Лесли позвонила доктору:

– Он худеет прямо на глазах и постоянно корчится от боли. Неужели ничего нельзя сделать?

– Миссис Чеймберс, медицина не всесильна. Проследите только, чтобы он побольше отдыхал и принимал все лекарства.

Перед уходом Лесли снова зашла к мужу. Тот, с трудом сев в постели, зашелся кашлем.

– Прости, что ничем не могу помочь, – едва выговорил он. – Попытайся справиться сама. Правда, вряд ли это удастся.

Лесли в ответ только улыбнулась.

Глава 5

В ожидании Лесли члены совета директоров собрались в конференц-зале, угощаясь кофе и крендельками со сливочным сыром.

– Простите, что заставила ждать вас, леди и джентльмены, – извинилась Лесли. – Генри шлет вам привет и пожелания успеха. К сожалению, он болен и не смог приехать.

С того совета директоров, на котором впервые присутствовала Лесли, многое изменилось. Тогда ее намеренно игнорировали либо относились свысока и пренебрежительно, давая понять, что считают выскочкой. Но Лесли упорно училась, и у директоров хватило здравого смысла оценить и принять ее разумные и зачастую весьма полезные предложения. Она сумела завоевать их доверие и гордилась этим.

Перед началом совещания Лесли отозвала в сторону Эми, разносившую кофе:

– Эми, пожалуйста, останьтесь.

Та удивленно посмотрела на нее:

– Боюсь, я не слишком хорошо стенографирую, миссис Чеймберс. Синтия справится куда лучше, чем…

– Не обязательно вести подробный протокол. Запишете только результаты голосования.

– Как угодно, мэм.

Эми захватила блокнот с ручкой и уселась в дальнем кресле у стены.

– Как вы знаете, у нас неприятности, – обратилась Лесли к собравшимся. – Срок контракта с печатниками почти истек. Вот уже три месяца мы пытаемся вести переговоры, но к соглашению так и не пришли. Придется срочно принимать решение. Время не ждет. Вы, надеюсь, прочли все посланные мной отчеты. Я бы хотела узнать ваше мнение.

Она вопросительно взглянула на Джина Осборна, совладельца местной юридической конторы.

– Если хотите знать, Лесли, они и так уже зажрались! Дайте им палец – тут же отхватят всю руку!

Лесли кивнула и обернулась к Аарону Дрекселу, хозяину универмага:

– Аарон?

– Джин прав, Лесли. Слишком мы с ними нянчимся. Подумать только, сохранять раздутые штаты в угоду профсоюзным лидерам! Если мы и вынуждены уступать, неплохо бы получить хоть что-то взамен, не находите? И к тому же я считаю, что мы вполне способны выдержать забастовку, а вот они – вряд ли.

Остальные дружно поддержали Дрексела.

– Вынуждена не согласиться с вами, – неожиданно заявила Лесли. Остальные пораженно уставились на нее. – Они должны получить все, чего добиваются.

– Но это чистое безумие!

– В конце концов окажется, что газета перейдет к ним!

– Неужели нет никакого способа остановить этих гангстеров?

– Лесли, мы не должны сдаваться!

Лесли терпеливо позволила всем высказаться и лишь потом вновь взяла слово:

– Джо Райли не зря считается человеком справедливым. Он верит в то, чего добивается.

Эми, забыв обо всем, жадно ловила каждое слово.

– Я удивлена, что именно вы, Лесли, встали на его сторону, – вмешалась одна из женщин.

– Я не принимаю ничью сторону. Просто пытаюсь объяснить, что нужно рассуждать здраво и смириться с неизбежным. Впрочем, не мне здесь выносить решения. Давайте голосовать. Эми, попрошу вас запротоколировать все как можно подробнее.

– Да, мэм.

– Кто за то, чтобы отклонить требования профсоюзов?

Поднялось одиннадцать рук.

– Эми, запишите, что, кроме меня, остальные члены совета директоров голосовали «против».

Эми с задумчивым видом старательно чиркала в блокноте.

– Ну что же, на этом все, – заключила Лесли, поднимаясь. – Если ни у кого нет вопросов…

Остальные последовали ее примеру.

– Спасибо всем за то, что нашли время приехать.

Дождавшись их ухода, Лесли обернулась к Эми:

– Прошу вас немедленно расшифровать и напечатать.

– Сейчас, мэм.

Лесли направилась к своему кабинету. Ровно через четверть часа раздался телефонный звонок.

– Мистер Райли на первой линии, – доложила Эми.

Лесли не торопясь потянулась к трубке.

– Алло?

– Это Джо Райли. Хотел поблагодарить вас за все, чего пытались добиться.

– Не понимаю, о чем…

– Совет директоров. Я узнал, как все было.

– Странно, мистер Райли, – делано возмутилась Лесли. – Мне казалось, это было закрытое заседание.

– Скажем так, миссис Чеймберс, – усмехнулся Джо, – у меня куча приятелей в низких кругах. Так или иначе, вы вели себя что надо. Жаль, что остались в одиночестве.

Лесли, чуть помолчав, медленно выговорила:

– Мистер Райли… а что, если я сумею их обойти?

– О чем это вы?

– Есть у меня одна идея, но это не телефонный разговор. Не могли бы мы встретиться где-нибудь… с глазу на глаз?

– Разумеется. Что вам подошло бы?

– Местечко потише, где бы нас не знали.

– Что-то вроде «Золотой чаши»?

– Прекрасно. Ждите меня через час.

«Золотая чаша» была сомнительной грязной пивнушкой в самом убогом квартале города около железной дороги, том самом, от которого полиция всячески остерегала туристов. Когда Лесли появилась там, Джо уже ждал в угловой кабинке и, завидев ее, почтительно поднялся.

– Спасибо, что пришли, – облегченно вздохнула Лесли, садясь. Ей было не по себе.

– Пришел только потому, что вы уверяете, будто сумеете выйти из положения.

– Совершенно верно. К сожалению, директора повели себя весьма неумно или недальновидно. Я пыталась урезонить их, но они и слушать не желали.

– Знаю, – вздохнул Джо. – Вы советовали возобновить контракт на наших условиях.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Легендарные охотники, пионеры Дикого Запада, национальные герои. Бун впоследствии был шерифом одного из округов штата Кентукки, а Карсон – агентом по делам индейцев и сам женился на индианке племени арапахо. – Здесь и далее примеч. пер.

2

Пырейный штат – шутливое название Кентукки.

3

2 февраля считается праздником начала весны.

4

Полосатый галстук с широкими, как у шарфа, концами.

5

Стихи даны в переводе Е.Ф. Левиной.

6

Известные скачки на Кубок Кентукки.

7

Имеются в виду Никсон и знаменитый «Уотергейт».

Купить: https://tellnovel.com/sidni-sheldon/tonkiy-raschet

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити